

Если любишь —
не сдавайся!

Дарья
Сунарокова

И снова
я к тебе
вернусь...

• Любовный бестселлер •

Роман

Дарья Викторовна Сумарокова
И снова я к тебе вернусь...
Серия «Лена Сокольникова», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25553965

И снова я к тебе вернусь... / Сумарокова Дарья.: «Э»; Москва; 2017

ISBN 978-5-699-98667-5

Аннотация

В новом романе Дарьи Сумароковой «И снова я к тебе вернусь...» продолжается история Лены Сокольниковой, героини романа «Притворись, что мы вместе». После трудных лет неустроенности и тяжелых личных потерь Лена возвращается в медицину. Теперь она врач частной клиники и обеспеченная женщина. Ее окружает хороший коллектив, появляются новые друзья. Реальность налаживается. Лене не на что жаловаться. Она любима, ее душа постепенно привыкает к жизни без потрясений.

Но разве может избежать потрясений современная красивая женщина, в силу своей профессии постоянно сталкивающаяся со смертью и страданиями?..

Содержание

Часть первая	5
2007–2008	5
2008–2010	81
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Сумарокова Дарья

И снова я к тебе вернусь...

*Спасибо за важную идею моему отцу,
Сумарокову Виктору Владимировичу.*

Дизайн серии А. Кудрявцева

Художественное оформление Г. Булгаковой

Часть первая

Мы, счастливые женщины

*Всем жителям российских мегаполисов
посвящается.*

Here we are in heaven.

2007–2008

На поверхности

Уважаемые жители северной столицы!

Спешу сообщить – лето послало вас ко всем чертям, причем окончательно; чем больше цифр на календаре после двух тысяч, тем хуже. Июнь две тысячи семь не стал исключением – с неба капало, ветер дул, но для Лены Сорокиной¹ это было совершенно счастливое время, потому что Елена Андреевна снова стала доктором. Все осталось в прошлом – смятый белый халат на самой дальней полке старого шкафа, бессмысленная и унижительная беготня по чужим ординаторским, тщетные попытки впихнуть равнодушным докторам «самые лучшие» таблетки на Земле. Прощай, гордое звание «медицинский представитель» очередных иностранных «Рогов и

¹ Главная героиня романа Д. Сумароковой.

Копыт». Теперь все переменялось, все встало на свои места. Теперь даже на наших питерских болотах можно дышать полной грудью; пара-тройка медицинских костюмов, все с той же дальней полки, новый фонендоскоп, мягкие сандалии на толстой подошве – для счастья больше ничего не нужно.

Ирка Асрян отложила процесс мозгокопания до сентября и уехала на все лето в Черногорию. Преуспевающие психотерапевты могут позволить себе трехмесячный отпуск, ибо намек прозрачен до безобразия: дорогие пациенты, доктор устал от избытка страдающих, а кому не нравится, катитесь к менее востребованному персонажу. Сына Ирка определила в местный лагерь, где дети из разных стран были вынуждены общаться на английском языке. Муж Сашка как всегда был в рейсе, а сама мадам Асрян – на балкончике с чудесным видом; мохито и что-нибудь еще сильно калорийное, и все после шести вечера. Кто-то заводит любовников, кто-то делает карьеру или пишет диссертацию, кто-то худеет до безобразия, кто-то рождает много детей, но для Ирки выпуска «две тысячи семь» существовали только два бога – спокойствие и полноценный отдых.

Ирка моя единственная подруга; кроме нее теперь мне не с кем разделить сомнения в собственной профессиональной пригодности после почти годичного перерыва. Она звонила мне строго по расписанию – раз в неделю, по пятницам, и требовала отчета о событиях последних семи дней. Вопросы всегда одни и те же: хорошо ли я сплю; приходили ли ко мне

«ночные гости» или они уже наконец забыли обо мне; что хорошего на новой работе; и наконец – нет ли каких перемен в личной жизни. Ирка была как паук, который раз в неделю методично подергивал нити своей паутины и проверял, не случилось ли вдруг какого-нибудь процесса в моей жизни.

Дочь Катерина традиционно отправилась на Карельский перешеек. К тому времени мои младшие братья-близнецы были официально женаты, каждый имел неплохую работу и жил самостоятельно. Так что все скинулись, кто по сколько мог, сняли большой коттедж в Лосево и поселили там на все лето маму, отца, Катрин и невесток с новыми внуками. Новых внуков теперь было двое, по одному у каждого брата.

В итоге я оказалась совершенно свободна и не востребована ни в будни, ни в выходные, так что все летние месяцы были полностью отданы новой старой жизни. Волна вдохновения закрутила, не отпуская ни вечерами, ни на выходных; родителей и Катюку с племянниками я посетила буквально несколько раз за все лето. Было стыдно, но душа летела в другом направлении. Вставала в пять тридцать, чтобы не попасть в пробку; и в шесть часов уже неслась по городу на папиных «Жигулях». Первые две-три недели я тащила из дома на работу что-нибудь невероятно нужное – начала с заварочного чайника и турочки для кофе, завершила парочкой кактусов на подоконник. Раньше меня в клинику приезжал только наш главный врач Сергей Валентинович Ефимов. Начальство парковалось не намного лучше Елены Андреевны. Каж-

дый раз, протискиваясь между машинами дежурных врачей, он явно нервничал, постоянно открывал дверь и осматривал дислокацию, а потом, вылезая из машины, то и дело ронял какие-то папки с бумагами. Периодически около служебного входа происходило неловкое столкновение.

– Доброе утро, Леночка. Вижу, не прогадал с новым доктором. Только настоящие фанаты приезжают на работу полседьмого.

– Это просто еще далеко до первого сентября. Некуда себя деть, Сергей Валентинович.

– Ну, да него еще всем далеко. А приезжаете только вы. Домой возвращалась не ранее десяти-одиннадцати вечера и, наскоро перекусив, набрасывалась на компьютер – свежие статьи по эндокринологии, терапии, острой диагностике, а также масса работ по реанимации. Каждое новое знание шептало в ухо: ты пропустила столько времени, неверная и тупоголовая, предала свое призвание ради корпоративного телефона и дешевой иномарки. Спала по пять-шесть часов; а утром, включая субботу, все повторялось заново. Я потеряла возможность жить именно такой жизнью на целых двенадцать месяцев бессмысленного отсиживания в офисе; и только теперь поняла, как же это было важно. На свете нет ничего интереснее, чем покумекать над анализами, поговорить, послушать, постучать, потрогать и, наконец, сложить картинку из множества кусочков. Сложить, а потом понять, как же эту картинку вернуть в более гармоничное состояние;

и в конце радоваться, как все меняется, возвращается к жизни и наполняется надеждой на лучшее.

Отделение реанимации было просторное и светлое. Ордinatorская же, как обычно, подкачала; стандартная каморка папы Карло, только с хорошим ремонтом, Интернетом, компьютерами и кухонной техникой. Самая важная вещь – уютный кожаный диванчик, занимавший треть по периметру. В утренней тишине всплывали счастливые картинки из прошлого – вот-вот услышу Люсин призыв пить кофе в сестринской; пока «не накрыло», как говорится. Сколько бессонных ночей прошло в том самом главном месте моей жизни, в старой полуразрушенной больнице. Теперь вместо письменного стола и маленькой ободранной тахты – дорогой ламинат на полу, модная микроволновка, два ноутбука и симпатичный бежевый диван.

Новое рабочее семейство оказалось гораздо скромнее нашей дружной больничной шайки и состояло из меня и одного-единственного «Шрека». Звали его Саша Смолин, реаниматолог из Мариинской больницы. Будучи миниатюрной блондинкой, я никак не могла понять, как существовать в шести квадратных метрах с огромным дядькой, разбрасывающим все и всюду, не стесняющимся громко отрыгивать после еды, а иногда нагло похрапывающим после обеда. В целом он занимал большую часть нашего общего жизненного пространства. Неуклюжее столкновение лбами длилось пару недель, и, видимо, Саня тоже испытывал огромное чувство

неловкости. Радовало только одно – притяжения на уровне мужчина – женщина между нами не было. Шрек оказался идейным подкаблучником с двумя дочками и женой. Но все равно, мы как два гиппопотама в луже – постоянно натыкались друг на друга. Особенно если слышали из палат вопли «доктор, мне плохо!!!» и пытались одновременно пройти сквозь дверной проем. В конце концов не выдержали и практически одновременно дозрели до неожиданного, но правильного решения вопроса:

– Лен, надо нам третьего жильца сюда.

– Совсем тесно будет.

– Веселее будет.

– Сань, третьего доктора точно не дадут – на десять коек не положено даже в реанимации. Ты ж обещал, твоя анестезистка придет?

– Не смогла, забеременела.

– Вот тебе раз... так надо еще кого-нибудь поискать.

– Так я и говорю, что надо.

Начали с опроса ночных дежурящих, кто днем работал в интенсивных отделениях больших городских больниц; тщетно, хорошие реаниматологические медсестры на дорогах не валяются. Сначала мы расстроились, но потом нам все-таки повезло – примерно через неделю поисков мы нашли свою музу. Варюша из операционного блока моей бывшей больницы как раз искала работу без дежурств и очень обрадовалась предложению. В первый же рабочий день оба доктора бы-

ли построены по стойке «смирно», строго отчитаны за бардак в палатах и ординаторской, незаполнение журналов учета и всякой другой медицинской документации. На попытки оправдаться а-ля «к нам же девочки приходили с отделения, это ж все не мы» – последовал крайне недовольный взгляд. С тех пор везде был порядок и полная стерильность, распространившаяся даже на нашу каморку, что приводило Саню в полный ужас. Но когда выяснилось, что Варюша совершенно без участия доктора может поставить подключичный катетер, померить сатурацию, отрегулировать допамин и еще много чего реанимационного, Шрек незамедлительно одобрил мой выбор, и в конце июля мы зажили мирно и очень даже счастливо.

Тридцатое июля ознаменовалось важным событием – утром Варя объявила о своем дне рождения. Мы начали возмущаться, почему она не сказала об этом раньше и не предоставила возможность подготовиться к событию заранее. Быстро заказали пироги «Штолле»; как только пришел дежурянт, накрыли первый на отделении праздничный стол. Саня на правах единственного мужчины поднял тост:

– Ну, Варюша, чтобы все, как говорится! Ваше здоровье, девочки, я рад, что вы со мной; теперь у нас все будет путем. Не пропадем, короче.

Вечер пролетел чудесно; вспоминали о былых подвигах, страшных кровавых дежурствах, всяких смешных до слез ситуациях и самых тяжелых пациентах. Под конец застолья я

сделала вывод: мы очень неплохая компания, потому что искренне симпатизируем друг другу и к работе относимся одинаково. Мы на ней живем. Точнее, мы с Варюшей работаем, а Саня преимущественно спит.

Около девяти Сашкины женщины стали настойчиво требовать мужика домой; мы с Варей отпустили его, решив вопрос с уборкой самостоятельно. Варюша мыла посуду в маленькой раковине, я собрала со стола остатки еды и спрятала в холодильник. Завтра несколько кусочков пирога с красной рыбой будут как нельзя кстати. Вызвали такси и в ожидании машины вышли на улицу подышать. Варя взяла меня под руку.

– Спасибо, Лен, что позвала меня. Я не жалею; и по деньгам хорошо, и работы меньше. Так что спасибо тебе.

– Да ладно, Варь. Это тебе спасибо, что пришла. Мне с тобой очень спокойно.

– Мне с тобой тоже. Если честно, Лен... я прямо удивилась, что ты позвонила.

– Почему?

– Ну... думала, не захочешь никого из наших видеть. Короче, не будем продолжать эту тему.

– Да не, Варь. Все нормально. Я очень рада, что ты согласилась. Не переживай за меня. Видишь, жизнь налаживается.

– У тебя сейчас кто-нибудь есть?

– Нет... Честно сказать, ничего серьезного.

– Лен, я знаю, тебе неохота слышать о Сухареве. Но я толь-

ко сейчас скажу одно и больше не буду на эту тему. Просто, что б ты знала.

– Валяй. Все плохое, как говорится, уже случилось.

– Короче, как все всплыло, ну, зараза эта, анестезиолог новая. Вцепилась в мужика мертвой хваткой, это точно... вот черт, забыла даже, как ее зовут. Так народ сразу на твою сторону встал, не поверишь. С этой сукой до сих пор все сквозь зубы разговаривают. Да и с Сухаревым... общаются, конечно, но так, постольку-поскольку. Вот. А ты держись, ты баба красивая, одна не останешься.

– Спасибо, Варюша, я стараюсь не вешать нос. Все хорошо; работа, ребенок, зарплата. Остальное дело наживное.

– Слушай, а бывший муж-то как, не достает?

– Неа. По слухам, мучает кого-то другого, так что все хорошо... простите за такой цинизм, как говорится.

– Ну и славно. Каждый сам себе кузнец, это точно.

Такси приехало довольно быстро. Мы жили рядом, и всю дорогу обсуждали, какой такой необходимый в ежедневном быту скарб еще отсутствует в нашей комнатке и как заставить слонопотама самостоятельно мыть за собой посуду и членораздельно писать листы назначений.

– Дрыхнет же после обеда, зараза такая, по часу кряду.

– Да ладно, Варь, пусть дрыхнет. Растолкать всегда успеет.

Домой зашла около двенадцати. Обалдевшая от одиночества кошка Мика громким голосом требовала пропитания.

Я вывалила в пустую миску полбанки очередного кошачьего Макдоналдса, и потом стало тихо. Тихо и спокойно; сумрачная остывшая комната и неприбранная постель с одной-единственной подушкой. Где-то внутри, глубоко – совершенно непонятно, в каком органе ЭТО находится, – тяжесть и пустота. Вроде как все в этой жизни проходит, и время – самый хороший доктор. Но на самом деле оно не лечит, а просто уменьшает, стирает краски; а если закрыть глаза – каждая картинка, каждая небольшая деталь из прошлого, все живо. Спряталось на самую дальнюю полку и лежит там, скрутившись калачиком, обхватив голову руками. Вот так ЭТО и живет внутри нас. Наши воспоминания, такие хрупкие и прекрасные, какими могут быть только воспоминания о любви.

Все, надо спать.

Раздеться, выключить свет и в темноте одним прыжком забраться под одеяло. Темноты боятся не только дети, но и взрослые, когда остаются одни. Хотя еще одна хорошая перемена заключалась в том, что последние месяцы можно было спокойно ложиться в кровать. Потому что для простого человека со здоровой психикой сон – это хорошо, это на пользу организму. Так теперь и было; «ночные гости» перестали посещать Лену Сорокину ровно в тот день, когда Полина Алексеевна закрыла свои глаза навсегда. Иногда я жалела, что не увижу больше деда так явственно и не смогу поговорить о важных вещах. Но это касалось только дедушки; но-

вых «приходов» Полины Вербицкой я боялась. Боялась и потому сказала себе строго-настрога – это случилось со мной, вся иррациональная цепочка событий, но оно ушло и больше не вернется.

Теперь я обычный человек.

С конца старой жизни прошло уже несколько месяцев; никаких гостей не возникало, и внутренний голос подсказывал – их не будет. Никто больше не придет ко мне, потому что неинтересно. Простая разведенная питерская врачиха на спокойной работе и в съемной квартире. Стоп, есть еще одно красочное определение – мать-одиночка, о как. Всего два слова, а в них целая бездна унижения, презрения и цинизма.

Я уже почти засыпала, как вдруг пронзила мысль, что ведь я не была на могиле у деда много лет. Да и понятно – «ночного общения», как говорится, хватало через край. Зато теперь могу сходить туда совершенно спокойно.

В ближайшее воскресенье я поехала к деду в гости. За несколько лет все поменялось – город рос, а вместе с ним и кладбище. Страшно боялась, что не найду могилу; однако нашла, и даже очень быстро. Чисто, искусственные цветы, маленький деревянный столик и скамеечка. Значит, родители не забывают, в отличие от меня.

Дед, короче, отчитываюсь.

Все хорошо. Катька здорова, учится прекрасно; все остальные, включая бабушку, тоже здоровы, да и я – теперь точно в добром здравии. Голова моя в порядке, потому

что ты больше не приходишь ко мне по ночам, да и остальные гости тоже не появляются.

Я вернулась на работу в больницу, дед. Я вернулась! Ты можешь себе представить такое?! Я так рада, что снова работаю врачом. У меня симпатичная маленькая квартирка, правда, съёмная. Но думаю теперь, после продажи ваших с бабулей комнат, смогу взять ипотеку. Нет, не так – уже точно возьму. Зарплата позволяет, если не шиковать.

Так что все хорошо. Ведь я живу дальше, и это главное. Я буду стараться жить так, что ты сможешь за меня порадоваться. Где бы теперь ни был.

Села в машину и отчетливо поняла: вот я и поставила жирную точку в моем беспокойном прошлом. Все ушло, и даже Слава Сухарев где-то далеко; воспоминания о нем причиняли боль как от удара ножом в живот, и не было такой таблетки, которая бы могла приглушить эту боль. Но эти воспоминания жили на прочитанной пару дней назад странице, и потому я верила, что придет время, и они перестанут возвращаться. На повестке дня – начало чего-то нового, пока неясного, но с большой надеждой на мир и спокойствие в душе. Однако один вопрос после смерти Полины Алексеевны так и остался нерешенным – мой тайный перископ, включающийся где-то в непонятных отделах мозга (по крайней мере, очень хотелось надеяться, что именно там). После явления красочной язвы желудка господина Вербицкого я испугалась; в тот момент было очевидно: я страшно не хочу

увидеть рак у кого-то из близких и вообще не хочу никаких халявных картинок. Хочу быть как все, кто рядом в белых халатах.

Признайтесь честно, Елена Андреевна, ведь это так соблазнительно просто увидеть болезнь, без кучи анализов, томографий и душевных мук, если что-то не срастается...

Время шло, а «третий глаз» так и не подавал признаков активного существования, даже когда я попыталась вернуть то самое состояние по собственному желанию. Случилось это через два с половиной месяца после начала работы в клинике.

В первых числах августа на плановое отделение привезли мужика лет тридцати пяти. Сопровождал его солидный пожилой дядька; как потом оказалось, отец. Пациент поступил непонятно с чем – жаловался на боли в животе, три дня накануне страдал неукротимой рвотой. Семья больного была близка к хозяевам нашей клиники, о чем стало известно еще до его поступления. Несмотря на страдания, мужик явно не желал никаких обследований, а просто громко и возбужденно требовал излечения прямо сейчас, чтобы пойти уже обратно домой. События разворачивались непредсказуемо – к утру его перевели к нам, в реанимацию, потому что пациент по непонятной причине впал в кому. Елена Андреевна и доктор Смолин целый час танцевали ритуальные танцы в попытках зацепиться хоть за что-нибудь; только что не стучали в бубен и не окуривали мужика волшебными дымами.

Мы набрасывались на его бесчувственное тело то с ЭКГ, то с неврологическим молоточком, таскали его на МРТ, собрали кучу анализов; но кусочки не хотели складываться в пазл. В конце концов, разложили кучу бумажек на маленьком обеденном столе и тупо пялились в собственную неполноценность, подперев руками светлые головы. В такой позе бездарно потратили еще полчаса; я не выдержала, пошла в палату, взяла стул, села рядом с мужиком и стала напряженно смотреть. Всмотривалась минут двадцать, пытаюсь вспомнить, как это было тогда, с Вербицким; но ничего не происходило. Картинки не всплывали, пространство не увеличилось и не уходило вглубь. Я видела только то, что было снаружи, а точнее – тело без сознания и, что самое важное для врача, без точного диагноза. Я просидела впустую полчаса; в конце концов, решила – товарищ между мирами оказался унизительно скуп, он все-таки забрал свой подарок обратно, слегка подразнив.

Да и черт с вами, уважаемая редакция. Поживем без риска.

Как говорится, без вас работали, работаем и будем работать.

Я вернулась в ординаторскую. Саня с Варей разогревали готовую пиццу; Елена Андреевна снова полезла разгребать пачку анализов. Шрек тоже пребывал в раздражении по поводу нерешенной задачи, он стоял за моей спиной и громко чавкал.

– Ленчик, заканчивай копать. Сейчас приедут «неврепетологи», вот пусть и расчихивают. У нас тут терапия и эндокринология, а не неврология. Диабета нет – все, точка. А что за кома такая – вот пусть сами и ковыряются, что там у него в башке.

Через полчаса приехала платная неврологическая бригада из института Бехтерева. Обнаружили все тот же «натюрморт»; быстро запаковали мужика в машину, прихватив грудку бумажек. Родственники безропотно последовали за мужиком, не выразив никакого недовольства, что сразу показалось мне подозрительным – привезли-то еще ничего, в сознании, а увезли в коме. И даже не высказали никакого возмущения по этому поводу. Только через пару дней в ординаторскую зашел наш главный врач Сергей Валентинович и сказал непонятное слово «спайсы». Мужик траванулся «спайсами»; такое новое течение на гребне безумия и нежелания жить. Оказывается, опиаты отошли в сторону как наркотики номер один; человечество прогрессирует даже в этом направлении.

А я еще что-то хотела увидеть.

На том и настал полный покой; нет третьего глаза, и не надо, как говорится.

Наша клиника разрасталась очень быстро. Неведомый хозяин обладал хорошим коммерческим чутьем на все то, что могло принести человечеству радость и возродить жажду

жизни. Сергей Валентинович, будучи первым исполнителем верховной воли, практически круглые сутки находился на работе, бегал по коридорам и постоянно говорил с кем-то по телефону. От нехватки времени он перестал лично делать обходы и организовывать какие-либо научные конференции. Мне показалось, Ефимов сильно похудел за летние месяцы и даже стал выглядеть моложе. Все логично – когда человек поглощен интересным делом без остатка, холодильник перестает занимать первостепенное значение в жизни.

В конце августа завершили строительство нового корпуса, а также достроили наш. На страничке в Интернете прибавилось – стоматология, пластическая хирургия и косметология. Последний вид медицинской деятельности всегда вызывал у меня глубокое презрение, однако последние несколько месяцев я замечала предательские лучики вокруг глаз, особенно когда улыбалась. Что ж, может и неплохо. Как говорится, будет куда пойти профилактить неотвратимый процесс увядания кожи.

В день открытия второго корпуса новый коллектив пригласил весь «старый» персонал на вечерний фуршет. Человек сорок столпилось в небольшом холле (вместо названия «приемный покой» теперь использовали модное «ресепшен»). Разница бросалась в глаза; вот мужики с нашего планового эндокринологического отделения, лица спокойные, умные; ни лишнего самомнения, ни претензий на последнюю «БМВ». А вот новый пластически-стоматологический пер-

сонал; невероятно красивые дамы в моднячих белых юбочках и кофточках; несколько прилизанных мужиков – дорогой парфюм и кожаные мокасины на голую ногу. И наконец, мы втроем – я, Варька и Шрек – три хирургических костюма времен гражданской войны. Кто откуда выполз, тот на всю жизнь там и остался.

Все были рады и довольны, так как подобное мероприятие обозначало одно – дела в клинике идут хорошо, и можно не беспокоиться о хлебе насущном; если только в государстве российском возможна хоть какая-то стабильность. Сергей Валентинович пришел последним. Выглядел очень уставшим, сказал в меру позитивный тост и уже начал потихоньку ретироваться на выход, но у дверей заметил нашу троицу.

– Ребята, привет. Как у вас дела? Может быть, что-то еще надо? Что там по новому оборудованию?

– Все привезли, спасибо.

– О вас уже пошли хорошие отзывы от коллег из других учреждений. Это особенно ценно. Платная «Скорая» собирается увеличить контракт, поэтому надо подумать, сколько вызовов в неделю сможем принять. Саша, я прошу вас взвесить ситуацию в ближайшее время и доложить наши возможности. А вы, Елена Андреевна, уже восстановились после перерыва?

– Я решила для себя, что просто была в декретном отпуске.

– Правильно. Но лучше, конечно, если бы действительно в нем. Дети – это важнее... да. По деньгам все устраивает?

– Спасибо, я вам очень благодарна.

– Ну и хорошо. И еще, Леночка. Не забывайте – вы теперь наш раб на ближайшие пять лет. А то вдруг опять на передовую потянет, в родную больницу.

– Нет, не потянет. Это совершенно точно.

– Верю и надеюсь. Ладно, отдыхайте.

Он повернулся в сторону входных дверей.

– Ага, вот и заведующий пластикой приехал, давайте уже знакомьтесь. Этот человек только вам одной тут неинтересен, Леночка, ввиду вашей молодости и очевидной красоты.

В дверь вошел грузин. Это было написано на его лбу большими буквами. Гела Парджикия, о как. Дорогой костюм, никакой медицинской формы, итальянские туфли, стильная прическа, царская осанка и вообще все идеальное. Я потихоньку наклонилась к Шреку и тихо сказала на ухо:

– Сань, что за чудовище?..

– Да ты че, его ж весь Питер знает.

– А я не знаю.

– Это потому что жопа пока не отвисла, моя ты дорогая, полсотникилограммовая.

– Ну да, пока еще вроде ничего жопа... А что, типа хорош?

– Не типа, а это самое дорогое приобретение нашего хозяина, не считая японского томографа, конечно.

– Круть... Одни мы, понимаешь, как всегда. На грязной

работе, хоть и в чистом кабинетике.

– Ну, Ленчик. Не всем же морды штопать. Смирись с плебейским происхождением, малыш.

– Уже смирилась.

Мы потягивали шампанское и злословили. Неожиданно я увидела Костика и еще одного парня из моей бывшей фармацевтической конторы. Костя курил около входа. Вероятно, главный пригласил их на праздник, как самых крупных поставщиков. После экстренного бегства из ненавистного офиса я ни разу ему не позвонила. Собиралась сделать это почти каждый день, но совесть мучила, и я трусовато оставляла звонок благодарности на потом. Ведь именно этот человек помог мне с денежной работой, когда я решила во имя любви и денег покинуть родные пенаты, а потом он же помог мне вернуться в медицину. А я так ни разу и не набрала его номер. Глубоко вдохнула и подошла.

– Костик, привет! Я так рада тебя видеть!

– Привет, Ленка. Ты все в том же хирургическом костюме, что в приемнике носила. Как будто и не было этих лет, все такая же дюймовочка.

– Я свинья, а не дюймовочка. Все хотела тебе позвонить, еще раз поблагодарить.

– Да ладно, не напрягайся.

– Все равно, свинья.

– Тогда пару раз хрюкни на весь зал, и мы в расчете.

– Могу не только хрюкнуть, но еще и прокукарекать.

– Ладно, обещания принимаются в виде извинений. Не напрягайся. Лучше приезжай с Катей к нам на дачу, мои будут рады. Давно не была.

– Обязательно приеду. Я по вашей даче страшно соскучилась, честно. И Катька тоже будет рада. Она сейчас с бабушкой в Карелии, как приедет, так сразу позвоню.

– Буду ждать.

Слава богу, сдержалась. Слава богу, не спросила ничего лишнего. Просто постояли пару лишних секунд и еще разок заглянули друг другу в душу.

– *Костя, а ты когда в нашей богодельне последний раз был?*

– *Очень давно, не помню. Ленка, живи с чистого листа, я прошу тебя.*

Но это только в воздухе. Беззвучно, как многое, что витает между людьми много-много лет, да так и остается невысказанным. Я поцеловала Костика в щеку и вернулась к своим.

Мы со Шреком уселись на пол в самый дальний угол и потихоньку попивали. Варюше быстро надоело наше противное злословие, она откололась от нас и активно налаживала контакты с сестрами других отделений. На пике опьянения народ начал брататься и клясться друг другу в вечной любви, дружбе между корпусами и специальностями. Все наперебой предлагали товарищам дары своего труда; стоматологи зазывали на чистки и импланты; косметологи – на подтяжку всего, что только может отвиснуть у живого челове-

ка; наши мужики с планового отделения – полное комплексное обследование за час с небольшим. Только мне и Шреку нечего было предложить; одна лишь дефибрилляция, дезинтоксикация, выведение из диабетической комы и тиретоксического криза, а также другие виды скорой-прескорой помощи. Чем больше выпито, тем сильнее Саня раздражался:

– Вот детский сад какой-то, Лен...

– Да ладно, не зазнавайся. А то вдруг завтра зуб разболится.

– Все равно, детский сад. Эх... иногда вспоминаю нашу Мариинку... Но че уже? Жена меня последние два года просто запилила – дома почти не бывал, на три ставки – иногда по двое-трое суток подряд. А тут только в день, а денег в два раза больше, не считая премий.

– Вот и я о том же...

– Поехали по домам, Ленчик, моя уже трубку оборвала.

– А поехали.

Попрощались только с Варей и ушли по-английски. Теперь ей будет с кем перетереть своих докторов – одну маленькую и второго большого. На улице неожиданно возникла идея рвануть к Сане домой, с тортиком и мороженым, дабы познакомить его дам с новым и единственным товарищем по работе. Дамы оказались под стать Смолину – одна божественная принцесса Фиона и две маленькие. Все веселые, конопатые и соответственно рыжие.

Ура.

Никто не смотрел на меня криво, не пытался поймать подводные течения между мной и Саней; хотя такие опасения посещали меня по дороге. Никто не выяснял женский анамнез доктора Сорокиной, не пытался срочно познакомиться с разведенным другом, который в целом очень хорош, а то, что попивает, так это ничего, можно подшить. Обсуждали прошедший праздник, наше отделение, мою идею взять ипотеку, нашего главврача, Варюшу, потом детей, школу, институты и еще много всего полезного и интересного. Фиона, она же Марина, смеялась громче всех; огромный бюст подпрыгивал в такт. Елена Андреевна вернулась домой около двух часов ночи, упала на диван в детской комнате и тут же уснула.

Лето заканчивается. Прекрасное лето.

За неделю до сентября вернулась Катерина с маман, а также Ирка со Стасиком. Началась предшкольная беготня по магазинам, многохлопотное время; но я была рада – моя семья воссоединилась. После трехмесячного одиночества я поняла – теперь Ирка и ее сын по-настоящему стали моими родственниками. Я сильно соскучилась и была готова вместе с Катькой переехать к ним на проживание. Асрянский муж Саша Эппельбаум, судовой врач с зарплатой в иностранной валюте, возвращался из рейса только в октябре; посему помочь нам, бедным женщинам, было некому. Срочно вернули на работу няньку Наталью, чтобы иметь возможность решать какие-то вопросы в отсутствие детей. Первое сентября выпадало на субботу, а значит, школа начнется только с по-

недельника; из чего Асрян незамедлительно сделала полезный вывод:

– Устроим последний предмучительный девишник-машник.

– Разумно.

– Приглашу еще девиц, в Черногории познакомились. Подружки, на Ваське живут. Женя, ей тридцать один, в разводе, есть ребенок, пацан; и Оксана, на пару лет постарше, замужем, у той уже трое. Обе в недвижимости. Прикольные, тебе понравятся.

Я обрадовалась; и правда, давно пора нам с Ирккой разбавить общество. Пусть все поменяется – новые женщины, новые дети, новые темы для простой бабской болтовни.

Подружки прикатили с пирожками, вином и четырьмя отпрысками. Дамы оказались совершенно разные, и с первого взгляда непонятно, чем таким они приросли друг к другу. Женя – очень сексапильная брюнетка; родила в первом браке ребенка, муж, как водится, истинный петербуржец – часто попивал и не очень часто поднимал свою пятую точку от дивана. Когда мальчику было около года, она скоростно влюбилась в оперуполномоченного из Василеостровского УГРО, буквально сбившего ее с ног своим напором и страстью.

– Девочки, как вспомню, как он в темноте кобуру с оружием отстегивал, так до сих пор живот ныть начинает!

После такого рассказа у окружающих дам по телу бега-

ли мурашки. Что дальше? Повесть продолжалась – через год от начала бурного романа жизнь внесла совершенно предсказуемые коррективы – парень оказался замешан в парочке взяточных скандалов, а тут одновременно Жене предложили неплохую работу в Москве; да еще бывшая семья бравого милиционера стала активно проявляться на свет, и все одно к одному. Договорились, он приедет к ней в столицу через несколько месяцев, но так и не приехал. Женька жила с сыном Славиком на съемной квартире в Бутово; страдала, металась и никак не могла принять случившегося расставания. С тех пор прошла пара лет. Она вернулась в Питер в прошлом году, опять же по причине перемены места работы.

– Знаете, девочки... помню, сидела в Москве одна и в какой-то момент поняла – он не приедет. Такое в душе началось... если честно, несколько месяцев просто выпали из памяти. На работу ходила, в садик за ребенком ходила, в магазин за продуктами тоже ходила. Точно знаю, что ходила, раз никто с голодухи не умер и без вести не пропал. Но ничего не помню, ни одного дня. Ни себя, ни сына, ни людей вокруг.

Все слушали и очень сопереживали. Конечно, как женщины могут не сопереживать друг другу в таких вопросах? А у меня в конце рассказа внутри похолодело, будто Женька вовсе не про себя рассказывала, а про Лену Сокольникову.

Теперь за Евгенией ухаживал приличный дядька, в начале лета покупавший через нее квартиру на Московском проспекте. В таком месте квартиры покупают только очень при-

личные дядьки. К тому же кавалер оказался ранним вдовцом, потерявшим жену в автокатастрофе; детей в анамнезе не имелось. Всем сразу сильно захотелось, чтобы дядька поскорее сделал Женьке предложение, и стали обсуждать, как ускорить этот процесс. Дебаты закончились после Иркиного выступления:

– Не запаривайтесь, дамы. Как раз год после смерти жены – уже пришел в себя, но еще сильно уязвим. Так что положительный исход гарантирован.

Вторая девушка – Оксана; рыжая, худая и немного угловатая. Самое приятное – добрая и очень спокойная. Имела крепкий брак с довольно преуспевающим юристом, трех очаровательных деток; работала мало и по случаю, в основном занималась детьми. Верила в Бога, регулярно ходила в церковь, но без фанатизма. Вот так всегда и бывает – чем гармоничнее жизнь, тем короче рассказ.

Я быстро сообразила, что такого ценного Ирка нашла в этих девицах. Все просто – веселые, открытые, без капли негатива и с огромным запасом искренней симпатии. Живые и настоящие. Самое важное, все четверо были готовы мириться с разными взглядами, разными мыслями и эмоциями окружающих людей. В конце посиделок решили: расставаться надолго не будем и по возможности закрепим наши встречи регулярностью.

Хорошо жить обычной человеческой жизнью, общаться с людьми, радоваться каждому дню просто так. Небо, зем-

ля, город, ветер или дождь; дети и друзья, домашний уют; и все осязаемо, и это есть единственная реальная форма существования. Чем ближе ты к ней, тем счастливее, тем крепче стены твоего мироздания. Вот за какие мысли я хваталась, хваталась судорожно, с отчаянным желанием дышать только таким воздухом.

И больше никогда. Вы слышите, господа? Никогда не пытаться взлететь туда, где может быть так мало кислорода.

Рабочая осень началась с поездки всем коллективом клиники на Финский залив; Сергей Валентинович четко следовал классическим канонам налаживания общественного сознания. Жарили сосиски и мясо, играли в бадминтон, волейбол и нарды. Многие приехали с семьями; дети бегали, кричали, кто-то даже залез в воду. Варюша с другими сестрами бродила между деревьев и обсуждала что-то очень важное; Шрек и доктор Сорокина, как всегда, вели себя отстраненно и в играх не участвовали. Сидели в сторонке и жевали шашлык. На середине праздника я все же опомнилась:

– Саня, ну что мы, как придурки, сидим тут одни?

– Это у нас комплекс неполноценности.

– Че?!

– Не че, а просто не модные мы. Все модные, а мы нет. Я в плане работы.

– Не модные, вот это да... ну и ладно. Зато нужные. По-

шли в бадминтон играть.

Санины сто килограммов восприняли идею физкультуры критически; а я схватила свободную ракетку и встала в пару с модным стоматологом. Играли азартно, кричали и хлопали сами себе в ладоши. К концу часа игры я подустала и тут же подумала – надо идти в спортзал, регулярно и надолго. Эти мысли на секунду отвлекли от процесса, и дальше случилось предсказуемое – небольшая коряга под ногами; Елена Андреевна рухнула на землю. Голеностопный сустав пронзила острая боль.

Господи, пусть будет просто легкое растяжение.

Народ быстро скучковался около меня, кто-то набросился с желанием помять несчастную ногу в целях экстренной диагностики. Изверги, боль была нестерпимая. Сергей Валентинович метался между машинами в поисках полноценной аптечки. На секунду я закрыла глаза, боясь потерять сознание. Сделала два глубоких вдоха, потом постаралась сесть в удобную позу, но боль не стихала. Я раскачивалась из стороны в сторону и тихонько поскуливала; в область сустава как будто забили толстый ржавый гвоздь, а потом начали дергать его за шляпку туда-сюда.

Черт возьми, как же мне стыдно, больно и обидно...

Детский голос. Чья-то дочка лет пяти-шести. Прекрасная белокурая принцесса, смотрела на меня с искренним сочувствием.

– Мама, тетя что, ногу сломала?

– Маша, отойди, дай взрослым место. Тетю надо полечить.

Маша стояла неподвижно и никак не хотела уходить. Мне тоже не хотелось, чтобы она уходила. Такие красивые волосы.

Аккуратненькие ушки, серо-голубые глаза, мраморная кожа, красиво очерченные яркие губы... Картинка увеличивалась, заполняла все пространство; сосудики на висках такие тоненькие, юные, пульсирующие... переплетаются, уходят глубоко, все дальше и дальше. Множество маленьких красных ниточек в голове у крохотной девочки; они дышат, двигаются, сохраняют живой объем, растворяются в самых глубоких отделах мозга.... а вот один, некрасиво большой, неровный, неправильный, как будто жирная темно-красная клякса, совсем некстати в такой прекрасной детской головке...

Кто-то прибинтовал к моей ноге несуразное сооружение; теперь можно скакать в автобус. Народ засобирился, и мне стало стыдно еще сильнее – погуляли бы еще пару часов, не меньше; а теперь из-за моей конечности каждый чувствует своим долгом побыстрее добраться до города, а точнее до первого же рентгеновского аппарата.

Прекрасно, ничего не скажешь. Только бы завтра все прошло, как же я сяду за руль...

Благородный грузин подхватил Елену Андреевну на руки и понес до машины, под громкие присвистывания толпы. Пахнуло дорогим парфюмом из-под не менее дорогой тол-

стовки; я вяло пыталась изобразить сопротивление.

– Доктор, да не надо, я дойду.

– Что вы, Елена Андреевна, я как настоящий хирург – пользуюсь возможностью наладить отношения. С реанимацией всегда надо дружить.

– Очень резонный повод для такого джентльменского поведения.

Следом в машину залез Саня; тут же отогнал Парджикия в сторону, уселся рядом и положил мою кое-как фиксированную конечность к себе на колено.

– Не опускай вниз, а то будет отек. Как завтра-то нам с тобой работать, теперь не знаю прямо, Ленчик.

– Да ничего, я приеду в любом случае.

– А если перелом?

– Да не... я бы почувствовала. Просто сильное растяжение.

– Ладно, утром будет видно. Я за тобой заеду.

– Спасибо, ты настоящий друг. Сань, а что за девочка бегала, такая хорошенькая, беленькая? Чья она?

– Машка?

– Вроде Маша, да.

– Это одной из косметологов дочка.

– Слушай... а ты ее знаешь, косметологицу эту?

– Не очень. У Вари надо спросить.

Пока ехали до города, про срочную рентгенографию моей ноги благополучно забыли. Гораздо важнее оказалось дру-

гое – прекрасную Машу через пару недель прооперировали; убрали большую сосудистую аневризму у основания мозжечка. Как же это хорошо, что убрали!

А ничего особенного не случилось, товарищ режиссер. Видимо, падаю редко; наверное, потому что живу теперь спокойно. А чтобы чаще падать и глубоко видеть, надо сильно волноваться, так я понимаю?

На следующий день меня насильно затащили в рентгенаппарат, перелома не нашли и на радостях закатали мою конечность в огромную лангету. Две недели Саня промучился, работая бесплатным шофером. Было страшно неловко перед ним, и еще более неловко перед Сергеем Валентиновичем – каждое утро начальство заходило после планерки и проверяло состояние моей лодыжки лично. Потом сняли лангету, нога заработала, жизнь покатила дальше.

Так и пошло; дни быстро перескакивали через недели, недели через месяцы. Чаще всего рабочая пятидневка заканчивалась пятничными посиделками у Асрян. Теперь нас было четверо, и еще много детей. С новыми женщинами появился нескончаемый поток свежих тем для разговоров; только теперь я поняла, как нам с Ирккой это было необходимо – новые разговоры. Простые интересы, о школе, учителях, мужьях, соседях, сослуживцах. А потом даже политика и другие глобальные вопросы. Собрание поделилось на «хиппи» и «социалов»; я и Женька – «хиппи», Оксана и Асрян – устойчивые социальные единицы. Одна из пятниц

ознаменовалась разговорами о медицине; тема острая – у Женьки на работе молодая женщина погибла от рака яичников. Все охали и ахали; остались маленькие дети, муж в горе, родители в горе, и прочее и прочее.

Асрян, как всегда, подвела весьма циничное резюме:

– Победить онкологию – значит победить смерть как биологический процесс. Мутации, господа, и еще раз мутации. Отсюда мораль – на сегодня это практически невозможно. Наука пока далека.

Женька вступила в поединок:

– Может, и так, но сто лет назад не знали, как лечить простую пневмонию. В основном люди погибали от инфекций, так ведь, Лен? Медицина все равно развивается. Лена, скажи. Может, скоро кто-то умный, раз, и что-нибудь придумает. Вон, Менделееву его таблица – во сне приснилась. Все гениальные открытия происходят именно так – или случайно, как вспышка подсознания, или в результате долгих копаний. Хотя мне кажется, вспышки подсознания и происходят в результате мучительных поисков, а не просто так. По крайней мере, такой вывод первым приходит на ум. Ну, доктор Сорокина, поддержи!

По спине пробежал холодок, я вспомнила большую некрасивую аневризму в голове у маленькой Маши.

– Может, и приснилось, конечно, я про таблицу менделеевскую... наверное... та самая вспышка подсознания, в нужном месте, в нужное время, нужному человеку. Может, и так.

Но все-таки кажется, будто чего-то в этой логической цепочке не хватает.

Началась перепалка, Асрян встала на сторону всемогущего, но плохо изученного человеческого мозга; Оксана скромно пыталась напомнить о промысле божием, Женька злилась на обоих, верила в силу духа человеческого, а также в неуправляемое стремление к новым знаниям. А я сидела молча. Я думала про Машеньку, потом про Полину Андреевну и моего деда; и поскольку не могла дать никаких объяснений произошедшему со мной лично, то решила просто радоваться, что лет через пять Маша не стукнется случайно головой и не упадет замертво на месте. Только это был не сон, однозначно не сон; те самые картинки из детской головы. Нейроны и синапсы доктора Сорокиной тоже не очень объясняли ситуацию, а про Господа Бога я даже не вспомнила. В итоге общество к единому мнению так и не пришло. Вечер закончили обсуждением хороших питерских вузов; потому что порядочные дамы живут для детей, а самые важные вещи надо продумывать заранее.

Выходные чаще проходили наедине с Ирккой и ее мужчинами. Жизнь сделала нас настоящей семьей, и даже наши дети вели себя как брат с сестрой. Поругивались, но не могли друг без друга. Между мной и Асрян оставалась одна-единственная острая тема для частных бесед – моя неустроенная личная жизнь; доктор Сухарев, больная голова и ночные

гости остались в прошлом окончательно.

Конечно, у меня были какие-то кавалеры. Периодически появлялся студент, тот самый парень с моей весенней одинокой вылазки в ресторан. Но ничего конкретного; так чаще всего отвечают разведенные питерские женщины на вопрос о семейных перспективах. Именно так, ничего конкретного.

Ирка стала гораздо осторожнее в поисках каких-либо кандидатов; видимо, помня мою несчастную физиономию во время майской попытки свести меня с «приличным парнем». А может, просто поняла, как Ленке Сокольниковой тяжело; совсем еще не отболело, и каждый вечер, как только закрывались глаза, она видела одни и те же красивые мужские руки, хирургическую шапочку, усталый взгляд. Как будто он рядом, совсем близко...

Как же хорошо, что это случилось именно со мной.

Изменилась не только моя жизнь, ставшая спокойной и размеренной, но еще поменялась медицина как таковая. И врачи, и больные стали другими. Новый молодняк из медицинских институтов, приходивший к нам на испытательный срок, не собирался всецело посвящать душу и тело великой змее. Для них медицина была работой, такой же, как и все остальные ремесла.

Работа рабочая, вот так вот, господа.

Они хотели получать высокую зарплату, много отдыхать, покупать хорошее жилье и ездить на дорогих иномарках. Они имели на это полное право. Они были белой костью, в

отличие от нас, динозавров, хотя расстояние составляло всего несколько лет. Теперь я поняла – все должно быть без эмоций и высших материй; мы сфера максимально востребованных и дорогих услуг, ибо здоровье и красота – бесценны.

В одно из воскресений я рискнула побурчать на эту тему с Асрян; в итоге бабушкино нытье было разобрано по косточкам за пару минут:

– И что, вы, типа, с Саньком умные, талантливые, опытные, готовые умереть на кресте, а они тупые жадные молодые свиньи? Так я понимаю?

– Да нет же, они вполне толковые.

– Тогда не пытайся за счет здоровых людей свои комплексы почесать. И хорошо, что наконец-то уважать себя начали! И слава богу, что никто ночью не несется забесплатно бабушек спасать, а потом родственники обвиняют их в попытке эвтаназии! Прежде всего надо начинать с уважения к самому себе, и только на этом и можно выстроить карьеру в любом деле.

– Да я-то что? Я же про призвание, ведь это же не двор веником мести! И потом...

– Даже не начинай, я тебя очень прошу! Сначала призвание, а потом разочарование, а потом кто на больных кидается, а кто спивается. Все должно быть взвешенно.

На том я смирилась с окончательным приходом капитализма в белом халате, находя утешение в компании Сани и Варюши.

Эра птеродактилей прошла окончательно.

Больные тоже стали другие, и многие перемены в этой части населения оказались неожиданно позитивны. Теперь, проходя по коридору планового отделения, можно было увидеть бравых мужичков, залегших на недельку для обследования и лечения. Они делали это сознательно, не дожидаясь серьезных болячек. Палаты теперь больше напоминали офис – обычно такие особи одновременно пили таблетки, сдавали анализы, разговаривали по телефону и бряцали клавишами на дорогих ноутбуках или выполняли позы из йоги, прямо около кровати. А потом на секунду закрывали телефон ладонью и махали рукой:

– Доктор, доктор, будьте добры, сестру позовите.

Плановая госпитализация стала частью бизнес-плана. Попадались такие же девушки от двадцати до сорока; бойкие, красивые, прибежавшие подремонтировать здоровье или внешность к концу рабочей недели, дабы в понедельник в шесть утра уже лететь в командировку: Рим или Токио, Милан или Париж. Объединяло это новое поколение одна маленькая обидная деталь – чем активнее субъект, тем дальше от двух столиц находилось место его рождения. Такой народ редко попадал к нам в реанимацию. Слава богу, здоровье по большей части в руках самого человека, и они за этим самым здоровьем тщательно следили. А вот коренное питерское население, даже если работающее и небедное – чаще ленновато, и нередко с серьезной депрессией в рукаве.

Потому на наших реанимационных историях болезни место рождения в основном определялось как «Спб».

Неожиданно прошлое сделало подарок – вернулась моя Валентина. Пенсионная жизнь была ей не по вкусу – уже год как она работала в архиве Эрмитажа; историческая пыль спровоцировала хронический кашель, она вспомнила про меня и решила посоветоваться, к кому обратиться. Позвонила в начале декабря, в день рождения Вербицкой, голос был грустный; но как только узнала, что я снова надела белый халат, тут же раздались радостные возгласы. На следующий день появилась, принесла с собой вкусный запах каких-то чересчур сладких духов, баночку дорогого кофе, много оптимизма и женского обаяния.

– Одно плохо – здесь не покурить, Леночка. Но в целом просто замечательно! Как же тут чисто, красиво, все для людей. Я вас всегда представляла именно в таком месте. Как хорошо! Все мои приятели вспоминают вас добрым словом, так что готовьтесь к наплыву клиентуры. Тем более тут гораздо комфортнее, чем в вашей бывшей коморке.

– Я буду только рада. А больше всего я рада видеть вас.

Проболтали почти полчаса; сначала вспомнили Полину; Валя даже всплакнула. Потом веселее – у Валентины случился новый роман с отставным генералом, вдовцом. Предыдущая любовь пребывала в панике, а Валя была бессовестно счастлива, совмещая роль счастливой бабушки двухмесячного внука и молодой полковничьей невесты. Про мою лич-

ную жизнь ничего не спросила, хотя вопрос висел в воздухе, как нож гильотины. Видно, чувствовала – не надо ничего спрашивать, ответа все равно не найдется.

Сразу после ее прихода потянулись мои старые клиенты, и для меня это было очень важно. Знакомые приводили знакомых, круг пациентов за несколько месяцев расширился. Начальство не протестовало против таких параллельных доходов, так как мои посторонние больные проходили все обследования у нас в клинике и совершенно безропотно оставляли в кассе наличность. Мне было жутко стыдно за каждый потраченный пациентами рубль, и где могла, я старалась по возможности уменьшить оплату. Начала, как водится, с себя; если видела, что обследований придется сделать слишком много, денег не брала вовсе. Однако пациенты возмущались и все равно пихали мне в карман пятьсот рублей.

Чем меньше доктор умеет брать взятки, тем легче его пациенты расстаются с деньгами.

Народ от Валентины приходил интеллигентный и очень приятный; даже простое общение доставляло огромное удовольствие. В конце зимы прибыла профессорша из какого-то педагогического института, высокая пышная блондинка. Влетела, плюхнулась на диванчик, разбросала по столу кучу бумажек со всевозможными обследованиями. Три месяца назад перенесла операцию по поводу рака молочной железы; стадия начальная, все прошло успешно. Хотя, конечно, пережила жуткий стресс и все еще не могла до конца опра-

виться. Теперь хотела похудеть и проверить организм от макушки до пяток; особенно ее интересовало состояние психики. Веселые люди даже в таких ситуациях не теряют присутствия духа, и вместо допроса пациента получился увлекательный монолог.

– Елена Андреевна, крыша уплыла окончательно, вот вам из вчерашнего. Сижу, значит, в преподавательской, чувствую, жопа болит нестерпимо. Тут же мысли – ну все, это у меня в заднице геморрой, а в геморрое – метастазы. Еду, значит, через двадцать минут к проктологу; параллельно сообщаю, кому и что надо по завещанию оставить. Дети, сами знаете какие теперь, просто сволочи. Залетаю в кабинет, там сидит еврей уже не первой свежести, предложил буквально снять штаны и повернуться задом. Зашел с тыла, потом вернулся и говорит: мадам, у вас там не просто метастазов, но даже геморроя не имеется в наличии. С вас три тысячи. Ну, вышла я из кабинета, жопа моя тут же прошла, и теперь вот – сижу перед вами. Дура дурой, как говорится.

В конце рассказа я практически ползала под столом и икала от смеха; в этот момент никого прекраснее огромной профессорши, а также моей Валентины, Сани Смолина, Варюши и многих других людей в этом мире не было.

Я живу. Мы живые.

Саня жутко ревновал меня к попыткам предать реанимацию и моих частных пациентов не любил. Основная причина – приемы, как правило, протекали в нашей маленькой ор-

динаторской, а значит, посторонние люди мешали спокойно валяться после обеда на диване и чесать пузо. Он, как реаниматолог, считал, что, если человек дышит, ходит и пока что более-менее соображает, значит, он здоров; и просто приперся, сволочь такая, отнимать врачебное время зря.

В отместку Шрек устроил мне маленькую пакость. Детали таковы: главный врач Сергей Валентинович неожиданно начал требовать с нашего отделения ежемесячные отчеты, большие и скучные (все меняется, докторам теперь надо уметь расходовать и финансы), и Смолин незамедлительно сбросил всю эту пакость на мои хрупкие плечи. Он провернул это мероприятие невероятно подло; после обеда сыграли на спички, длинная – свободен, короткая – пишешь отчеты пожизненно. Нетрудно догадаться, обе спички в Саниных руках были короткие.

И правильно – не царское это дело, в бумажках ковыряться.

Как только я попыталась сесть за нудные цифры поступления и выписки, а также расхода всех лекарственных средств, подкатил рвотный рефлекс; уж больно эти дурацкие таблички напоминали торговые отчеты из моего фармацевтического прошлого. В полной депрессии я просидела перед компьютером два вечера подряд; кое-как свела концы с концами, а потом понесла плоды бездарной математики главному; как раз в последнюю пятницу марта две тысячи восьмого года. Ефимов пролистал, несколько раз неопределенно откаш-

лялся и посмотрел на доктора Сорокину так, как смотрел когда-то Костик после изучения моих каракулей.

– Елена Андреевна, а что же Александр? Не решается заняться этим вопросом? Заведующим числится он, а не вы.

– Совсем плохо, Сергей Валентинович?

Сергей Валентинович тяжело вздохнул и встал из-за стола.

– Давайте выпьем кофе, как в старые времена, Леночка. А таблицу я вам в некоторых местах подправлю, чтобы легче было в следующий раз.

– Ой, спасибо большое! Да не стоило на самом деле, правда! Наверное, вас дома ждут, а я со своими тупостями...

– Ничего, мне самому проще с самого сначала все наладить.

Сели поближе друг к другу, поставили чашки перед экраном. Мое бездарное мытарство было почти полностью переделано за каких-то полчаса. Ефимов быстро шлепал по клавишам, параллельно пытаясь объяснить важность правильного подхода к отчетности; особенно это касалось частных медицинских предприятий. По правде говоря, половину слов я прослушала, потому что сидела в полном оцепенении и каждой клеточкой тела впитывала мужское тепло.

Какая красивая рубашка. Темно-синяя, в модных огурцах. Очень приятный парфюм; наверняка что-то страшно дорогое. Несправедливо. Почему мужики и за сорок бывают такие притягательные? Стройный, серые глаза, темно-русые

волосы с проседью. Мужчина, именно с большой буквы. Хорошо хоть с кем-то такие мужики рядом проживают.

В субботу по графику – мое дежурство (мы с Саней оставили себе по два выходных в месяц). Елена Андреевна сидела на широком белоснежном подоконнике и скучала; за окном серая палитра перебирала тысячи всевозможных оттенков, какие только и бывают, что в городе на Неве. Я размышляла, отчего же Сергей Валентинович взял меня на работу? Толковых врачей вокруг предостаточно, благо не в тундре живем, а на вполне себе цивилизованном болоте. Наверное, ему нравятся маленькие блондинки. Женское чутье нашептывало о чем-то, но неуверенно и с большим сомнением в собственных силах; и конце концов в голове зазвучал голос Асрян.

А что, разве плохо быть любовницей главного врача? Даже очень хорошо. В душу точно никто не нагадит, все границы определены заранее. Как говорится, если без разрушительных планов и душевных страданий, то все оправданно... а пользы много. Конечно, при грамотной тактике и стратегии. Только вот сомневаюсь, что некоторые имеют представление о правильной тактике или стратегии.

Веселый цинизм, это все от безделья и скуки; за окном тяжелые низкие облака, а я сидела и улыбалась своим дурацким мыслям. Через минуту настроение резко поменялось: вспомнила старое ободранное кресло, темную, пахнущую залежалыми вещами прихожую. Нашу первую и последнюю

сьемную квартиру, мою и доктора Сухарева. Я застыла и не могла пошевелиться, словно мумия. Славка ходит из комнаты в кухню, а потом обратно, медленно и плавно, как большая уставшая кошка; каждая частичка тела – такая знакомая и желанная. Теперь кто-то другой дотрагивался до него, и может быть, она гораздо красивее меня и сексуальнее. От воспоминаний в груди вспыхнуло беспощадное пламя; боль сжигала все до последней живой клеточки, да так сильно, что лучше получить пулю в висок.

Как же можно это сделать?! Боже, как можно причинить такое несчастье другой женщине, пусть даже она тебе не знакома? Как можно построить счастье на чужих слезах?

Хватит, Елена Андреевна, уже который раз говорю вам – проехали и забыли. Все в прошлом, а в настоящем только одно – после всего пережитого я никогда не поступлю ни с одной женщиной так, как ОНА поступила со мной.

Мысли снова резко перескочили; я вспомнила слова Асрян про мою родную больницу, про асоциальный притон. Вспомнила вереницы промокших бомжей, пьяниц с перебитыми лицами, дедов-«беломорщиков», выкашливающих кровавые остатки опухоли легкого или туберкулеза с распадом; и много чего другого, не менее колоритного.

И хорошо, что теперь все это в прошлом. Где нет желания жить, там нет возможности помогать. Жестокая, но правда.

Но как же тогда Полина и ее неосознанное самоубийство? Что же те самые послевоенные мальчики, знавшие табак с семи лет? В чем они провинились? В незнании? В чем их вина, кто виноват в их раке легких?

Снова начали терзать воспоминания о родном приемном покое, отделении эндокринологии, моей божественной еврейской заведующей. Временами казалось, что именно там и было мое место. Именно тогда, когда не было времени задумываться и все решали секунды или минуты, именно в тот момент за спиной вырастали крылья; я чувствовала себя как рыба в воде. В памяти всплыл тот ужасный вечер, когда наша блестящая тройца – Федя, доктор Сухарев и Елена Андреевна – неподвижно стояла посреди приемного покоя и размышляла, надо ли жить скотскому пьяноте, отправившему на тот свет двух ни в чем не повинных женщин, и можно ли все-таки совершить правосудие прямо здесь и сейчас. И если бы не медсестра Люся, то неизвестно, чем все закончилось бы. А потом нейрохирург Сухарев весь остаток ночи ковырял пропитые мозги этого убийцы; что до Елены Андреевны – она сидела в приемном покое и ждала развязки. Мы были двое из трех, кто покусился на жизнь, пусть опустившегося и виноватого в смерти других, но человека. И после той несовершенной казни – мы были очень счастливы целых два года.

Так что если кто-то и писал закон божий, то лучше бы написал отдельную книгу для людей в белых халатах. Да поподробнее, чем клятва Гиппократова, и чтобы обязательно был

пункт про медные трубы. А также про право решать.

Серая погода навевала серые мысли и поднимала тени прошлого. Это потому, что дежурства мои теперь были монотонны и скучны.

Мысли скитались в темноте, все вокруг казалось печальным и бесцветным. Хотелось прилечь и задремать; тут неожиданно прошлое все-таки решило постучаться в реальную жизнь. Около десяти вечера раздался звонок на сотовый – Вербицкий Александр, сын той самой безвременно ушедшей Полины Алексеевны; разговаривал приказным тоном и без всяких извинений за поздний час. Закон бумеранга иногда работает, товарищи; сюжет оказался прост: вторая жена, как это водится, имела неожиданный скелет в шкафу – несколько месяцев назад объявилась младшая сестрица, до этого проживавшая с пожилыми родителями на хуторе под Ростовом. Двадцатипятилетняя кобыла была отправлена к богатой сестре вместе с восьмилетним стажем героиневой наркомании. С надеждой, что деньги помогут. Конечно, в новой семье Вербицких никто такому подарку не обрадовался; страдалицу почти сразу отправили в поселок Вырица, лечебно-трудовой лагерь для таких же обиженных судьбой бедолаг. Девица поехала туда без сопротивления, но через несколько дней благополучно сбежала; место пребывания оставалось неизвестным почти три месяца. Вербицкий продолжал рассказ: пару часов назад раздался звонок; дверь открылась, и тело упало в дверной проем новой элит-

ной квартиры на Крестовском острове. Он убедительно просил меня о срочной госпитализации, и желательно анонимно; а когда бедолага придет в себя – упаковать куда-нибудь в хорошее заведение с крепкими решетками на окнах.

– Мы не сможем ее посещать, Елена Андреевна. Супруга в командировке, у меня много работы в офисе. Пришлите счет на работу, я оплачу по безналу.

– Хорошо.

– Спасибо заранее.

Как бы там ни было, план выглядел вполне разумно, и тут не имело значения, кто от кого хотел избавиться. Как говорится, за любые деньги и желательно поскорее. Домой к Вербицким послали бригаду; девушку завезли на каталке, сопровождающих не было. К тому времени в новом корпусе открыли маленькое анонимное отделение дезинтоксикации, буквально четыре койки; нам с Саней алкоголиков и наркоманов больше не доверяли, помятуя тот самый позорный случай со спайсами. Я нехотя пошла взглянуть на больную; так или иначе, я чувствовала себя причастной. В ту ночь у нас дежурил врач из наркоцентра в Девяткино, нарколог со стажем. Я осторожно постучала в дверь ординаторской.

– Доктор, что там интересного привезли?

Мужик лениво поморщился. В таких клиниках, как наша, люди берут дежурства с целью максимально отоспаться и получить за это деньги, а не скакать ретивым конем всю ночь.

– Да прямо неожиданно для частной забегаловки... полный

набор – гепатит В и С, ВИЧ, уже с желтухой, сахарный диабет. Энцефалопатия полная, в вербальном наборе осталось десять слов, не больше – «доктор», «еда», «герыч», «инсулин»... еще «туалет»; это слава богу! А то бывает, что уже под себя ходят и в двадцать, и в шестнадцать лет. Короче, почти финал. А что, знакомая?

– Что-то типа того. Косвенно, можно сказать.

– А мне знакомая. Мы ее «мисс Пятница» называли.

– Вот так дела, доктор! А в чем прикол?

– Поступала в нашу богодельню последние два месяца каждую пятницу, точно по расписанию. Жила в притоне, где-то в центре, работала проституткой на Киевской трассе. Первую половину недели на дозу хватало, а со среды начинало ломать – уже не до мужиков, как говорится. А девка не промах, с соображением – в пятницу утром вызывала «Скорую», открывала дверь, потом вкалывала себе инсулина единиц сорок, не меньше, и теряла сознание. Ее к нам, как водится, с гипогликемической комой; за пару суток откапается, ломку снимет, инсулина наворует и обратно, на трассу. Да... видно, теперь уже и на это сил не осталось. Думаю, можно пойти на всякий случай попрощаться.

Я зашла в небольшую палату. Кроме нее, в отделении находилось всего двое больных, каких-то высокопоставленных алкоголиков. Девушка лежала около окна подальше от остальных пациентов, без сознания.

Вот они, тени из «ниоткуда». Демоны догоняют вас, гос-

подин Вербицкий. Ваши родные дочери выброшены из жизни вместе с первой женой; теперь вас посещают страшные привидения.

За окном темнота, все вокруг покрыто мраком. В паре остановок метро – мрачные колодцы Васильевского острова, глубокое социальное дно; люди, потерявшие себя окончательно, утопившие себя в наркотиках и алкоголе. Грязь и зловоние, разлагающиеся человеческие души, все в гнойниках, блевоте и человеческих испражнениях. Я подошла к койке вплотную, чуть опустила покрывало. Серое лицо, впавшие, как у покойника, глаза, иссохшиеся губы; руки, покрытые героиновыми дорогами и нарывами. Я чувствовала, надо отойти в сторону, не приближаться. Но не успела; пространство раздвинулось, потеряло внешние границы; все глубже и глубже, внутрь погибающего тела. Детали стали явственными и осязаемыми – огромная вздувшаяся печень; сердце с разрушенными до основания клапанами, бьется не в такт, хаотично; серые легкие, переполненные гноем, дырявые, как старая тряпка для мытья полов. Не осталось ничего живого; ошметки человеческой материи, на исходе жизни.

Я не выдержала и отступила на шаг; картинка схлопнулась.

И зачем, уважаемые товарищи?

С какой такой высшей целью? Бессмысленное представление, ничего не изменит и не решит. Не хочу больше, хватит.

Сестрица скончалась через три дня у нас на отделении; в сознание не приходила, и слава богу; хотя бы последние несколько дней жизни ей не было больно. После того инцидента я ни разу не видела никого из членов семьи Вербицких; двери в прошлое быстро закрывались, одна за другой.

Холода постепенно отступали, день становился длиннее. Весенние каникулы прошли по-семейному, с родителями и братьями; за суетой быстро проскочил слякотный апрель. С наступлением мая я впала в приятную полуленивую спячку, да так и проспала вплоть до лета. Первый восторг от работы улегся, жизнь текла по расписанию. Катька порадовала; хорошо закончила школу, занималась гимнастикой, ходила со Стасиком к соседке Инессе Павловне штурмовать высоты немецкого языка. Женский пятничный клуб укрепился постоянством, да и на выходных в расширенном составе мы таскались по Питеру, развлекая детей и себя любимых. Денег хватало на многое, о чем раньше и не мечталось. Теперь в постоянный жизненный ритуал входили хороший фитнес-клуб, престижный парикмахер; вместо китайских барахольных рынков – модные магазины косметики и одежды.

Время идет, общество вокруг меняется, и теперь медицинской можно заработать. Асрян сильно радовалась увеличению моего дохода и практически в ультимативном порядке нашла хороший вариант ипотеки, в строящемся доме. Первич-

ный взнос состоялся в первый день августа две тысячи восемь; сумма почти полностью состояла из моего наследства от продажи бабушкиных комнат, а также небольшую часть я сумела накопить за год работы. Новостройка была выбрана очень грамотно – в трехстах метрах от нашего с Ирккой дома. Естественно, в первую же пятницу после сделки состоялось обмывание моей покупки. Женя и Оксана отбыли на моря, и мы с Ирккой остались одни.

– Я рада, Ленка. Слава богу, мозги твои больше не текут, жизнь наладилась, работа хорошая. Теперь надо все-таки подумать о мужике.

– Не хочу думать. Тут как-то подумала об этом перед сном.

– О чем конкретно?

– О том, что одна. А ночью знаешь что потом приснилось?

– Ну?

– Короче. На юге, в степях, когда долго стоит жара без капли дождя, трава сгорает и становится как желто-красное сухое поле. Вот мне такое выжженное поле и приснилось.

– Понятно... Ладно. Не будем пока об этом.

– Да забей, Ирка. Я не комплекую. Мне теперь даже хорошо одной.

– Ну да, а если элементарно дома что-то сломается, да просто ножи поточить?

– Вот Сашка твой придет из рейса и поточит. Он теперь, можно сказать, двоеженец.

– Это точно, Сокольниковы.

Лето закончили в Турции. Дети веселились, женщинам – массаж и загар. За территорию отеля почти не вылезали, много ели и пили, рискуя привезти домой три-четыре лишних килограмма.

Новое лето номер два. Еще одно прекрасное лето.

По возвращении, кроме приближающегося первого сентября, четыре мамы засели отмечать еще одно важное событие – мой дом скоро будет сдан в эксплуатацию, на пару месяцев раньше срока. Осталось подождать буквально до ноября. Братаны и родители обещали помочь с ремонтом физически и материально; я строила планы перебраться в собственное жилье до нового года.

Как замечательно.

На работе все шло гладко, пациентов поступало много, да и Валентина открыла для меня поток постоянного приработка, приносящего не только деньги, но и удовольствие.

Состоялась уже традиционная осенняя вылазка на природу, всем коллективом. Прошел целый год, в клинике появилось много новых людей; варенье перебродило, народ дружил и ссорился, но в целом усилиями Ефимова мы жили очень мирно. Как всегда, на пикник прихватили с собой Костика, без поставщиков никак. Неловкость между нами исчезла давно по причине моих ежемесячных поездок на Костину дачу вместе с Катериной. Еще один теплый очаг для двух одиноких девочек и рыжей кошки Мики, для которой

даже был приобретен транспортный домик.

Место для корпоратива не поменялось – берег Финского залива; выгрузили огромные кастрюли с маринованным мясом, развели костер прямо на берегу. Премедикация началась еще в автобусах, народ уже был навеселе; громко включили музыку и танцевали. Кто-то схватился за волейбольный мяч, кто-то за ракетки; меня в спортивную команду не позвали, вспомнив неосторожный эпизод с лодыжкой, дисквалифицировали и поставили на кухню. Я не расстроилась, потому что очень любила это мужское занятие – жарить шашлык. Варюша из солидарности пришла на помощь.

– Варь, да не надо, я сама. Иди, потусуйся.

– Не, тут одной никак, мяса слишком много. Да че тусоваться, ничего нового.

– Так уж и ничего?.. Если б не ты, мы с Саней вообще бы... жили бы, как на Луне. А так ты хоть новости приносишь – что там на других отделениях творится.

– Это потому, что вы со Шреком – как два сыча. Надо уметь общаться, вас и так вся клиника зазнайками считает.

– Да ты что? Это неправда, Варя, какие же мы зазнайки! Это полная чушь.

– Правда, правда. Реанимация, типа, белая кость.

– Ничего себе, вот это новости. А что еще говорят?

– Да нет, вообще-то в целом хорошо относятся. Я про другое хотела. Вы как динозавры с Саней, вот я к чему. Никак не отвыкнете перед больными извиняться, что с них деньги

берут. А они, между прочим, сами сюда идут, добровольно.

– Что правда, то правда. Наверное, скоро меня со Шреком уволят. Эх... не соответствуем высокому званию врача частной практики. Да и вообще, я уже главного своими бездарными отчетами достала. Хоть бы один месяц цифры сошлись.

– Да кто ж уволит-то... особенно вас, Елена Андреевна?

– А почему это «особенно меня»?

– Да вообще-то уже слухи поползли.

– Блин, Варька, ты про что опять?

– Не про что, а про кого. Про Ефимова, между прочим.

– Варя, я тебя задушу сейчас. Что за хрень очередная?

– Вообще-то, совсем не хрень! Короче... девки на ресепшене говорят, вы с ним спите. Типа, нам на отделение больше всего аппаратуры закупили, отпуск самый длинный, и зарплаты больше всех из лечебников.

– Да это же так положено в реанимации, большой отпуск!!! Блин, Варя, ты-то знаешь ведь, что это полная чушь! Вот это да... боже мой... Вот это новость, черт побери, а! Он же женат, вроде как двое детей!

– Точно, сычи, прости господи... что один, что второй. Да вся клиника уже знает, у него жена вышла за американца еще два года назад. Дети в Америку уехали. Он к ним летом один раз в год на неделю мотается.

– Черт, да я первый раз про это слышу, Варя!!!

– Вот! Вот я про это и говорю! Сидят целый день на отде-

лении, с людьми через раз здороваются. Ладно, ладно, Елена Андреевна. Просто надо общаться с коллективом, а не так – «здрaсте – до свидания» через плечо.

– О'кей, я все поняла. Буду проходить мимо ресепшена и кланяться. И Шреку скажу. Так пойдет?

– Не надо ерничать, доктор. Между прочим, это я, а не вы, бегаю и прошу займы по отделениям, если что закончилось. И все из-за вашей бездарной отчетности, вот так вот.

– Варя, короче. Признаю – мы два высокомерных козла.

– Вот так-то лучше. Надеюсь на перемены.

Варя фыркнула в последний раз и пошла за пакетом угля. Голова моя взрывалась от обиды; да что же это, за просто так такая репутация! А может, и заслуженно? Я нанизывала мясо на шампур и плакала от лука. Шрек бессовестно отпочковался, и в приятной компании главного пластического хирурга Гелы Аскеровича накачивался каким-то дорогим виски. Меня накрыла волна негодования.

– Саня, я не могу больше, лука много. Иди, твоя очередь.

Мужики бросились помогать. Гела на повороте обошел Санины сто килограммов и первым выхватил у меня из рук кастрюлю с мясом.

– Елена Андреевна, кто же это все на вас повесил? Да это просто позор для грузина! Как так, женщина мясо делает!

– Вот и спасите меня, Гела.

– Я готов спасать и даже на руках носить в любое время суток! Вы, Леночка, в нашем коллективе пока единственная,

по кому у меня руки не чешутся.

– Это самый клевый комплимент за последнее время, доктор.

Я сбросила с себя кухонные обязанности, схватила под руку Костика и бутылку красного сухого. На голодный желудок через пять минут голова стала легкой и бесшабашной.

– Костик, скажи, кто у нас тут самая красивая женщина? Вон, глянь, какие стоматологицы. Просто мечта.

– Ты не напрашивайся, Сорокина. Кроме экстерьера, нужно еще метлу иметь в укромном месте. Помнишь, как через каталки перепрыгивала в приемнике? Так что конкуренции в этом пристанище капитализма у тебя пока не намечается.

– Спасибо, друг.

И мне стало хорошо.

Ведь я красотка. Наконец, надо сказать себе самой – я красавица. Да, я красавица и умница. Почему бы нет?! Почему я должна этого стесняться? И пусть все думают, что я сплю с главным. Тем более он свободен, как теперь оказалось. Почему бы не я? Разве все эти дамы из нового корпуса не считают, что им состоятельный мужик положен просто так, по праву рождения? Так чем я хуже? Как там сказано – конкуренции не намечается. Наконец-то надо уже и самой открыть глаза.

Я курсировала между людьми, с бутылкой и Костиком под мышкой; смеялась пьяным смехом, и мне правда было очень-очень хорошо. Как будто я взлетела на большой лох-

матой метле выше деревьев, и не было силы, которая может меня остановить.

– Ленка, не налегай на вино, еще домой ехать.

– Костичка, я так тебя люблю! Очень-очень. Почему ты так рано женился?

– Знал бы прикуп, жил бы в Сочи.

– Эх, как я твоей Ирке завидую.

– Верю. Только пойдем теперь закусим, уже ваш грузин машет руками.

– Не хочу есть. Самое вкусное – это быть худой.

– Да как бы не сдуло некоторых. Пойдем, пойдем.

Народ оголодал и тут же ринулся на призыв к мясу. Последующие несколько часов практически стерлись из памяти; как ехала домой, тоже не помню.

Утром в понедельник меня ждал ужасный рассказ; Шрек в красках описывал мое падение. Доктор Сорокина напилась в хлам, хохотала громче всех и в конце мероприятия набросилась на Ефимова с поцелуем и благодарностью за мясо, вино и природу. Все прилюдно, а потом в автобусе вырубилась и заснула.

– Боже, Саня, а домой-то как попала?

– Константин отвез. Мне драгоценное тело не доверил.

– Не может быть! Этого всего не было! Это ты специально, чтобы я нервничала.

– Варя, подтверди.

– Да уж, доктор, вы были в ударе. Придется теперь приду-

мать какую-нибудь официальную версию для народа. Даже не знаю, прямо... скажу, напилась с горя – Ефимов нашел себе другую, какую-нибудь кралю из Минздрава, во! Заодно и слухи эти дурацкие прекратятся.

– Варя, умоляю, сделай это! Мне теперь по коридорам ходить стыдно, вот ужас!

– Господи, и все на голом месте... да и вообще... чутье подсказывает, это только начало.

– Варя, это в последний раз, правда! Я же вообще, может, больше года назад... чтобы так напиться, это же ужас, просто позор.

– Ладно, доктора, что уж теперь-то... как всегда, все самой разгребать. Кофе, и идем работать.

Три дня я не высывала носа с отделения и особенно боялась попасться на глаза главному. В итоге Сергей Валентинович пришел сам, с осторожной просьбой наконец-то сдать отчет за август. То ли сделал вид, что ничего не случилось, то ли Варька с Саней сильно преувеличили мои пьяные подвиги.

На следующий день после смены я осторожно постучалась в его кабинет, сжимая в руках заветную флешку. Мимоходом взглянула в маленькое зеркало на стене – вот это красавица, после ночи перед компом. Круги под глазами, как у вампирши; метлу можно поставить в шкаф, и надолго. Сергей Валентинович налил кофе, бегло просмотрел цифры и облегченно поблагодарил.

– Елена Андреевна, все неплохо на самом деле. Еще хочу отметить – на той неделе была пара благодарностей от пациентов в адрес вашего отделения, что для всей клиники очень ценно. Да и ваша, как это выразиться точнее, богема приходящая, прилично наработала в УЗИ кабинете и лаборатории. Спасибо. Надеюсь, получится подумать о премии к концу года.

Я сконфузилась, стала неуклюже благодарить и тут же спешно подскочила прощаться. Перед дверью Ефимов подал руку, и я набралась храбрости посмотреть ему в глаза.

Смелее, Елена Андреевна. Смелее.

Большая теплая ладонь, близость мужского тела, дыхание близко, совсем рядом. Обычное прощание двух сослуживцев, но на секунду дольше положенного. А может, только показалось?

На улице шел проливной дождь. Слава богу, Катерина и Асрянский Стасик ходили в одну школу; нянька Наталья забирала их вместе, отводила домой к Асрян и кормила обедом, а потом делала с ними уроки. Потому мне не надо было мчаться и забирать последнего оставшегося на продленке ребенка. В мои обязанности входили только вечерние поездки на гимнастику; в тот самый день тренировки не было. Страшно хотелось спать; только бы дожить до дома, забрать Катьку у Асрян, предательски включить мультики и завалиться на диван дрыхнуть. Бессонная ночь – это уже не для дамы за тридцать. Машина двигалась медленно, дожде-

вики поскрипывали, вокруг шумели машины, и я почти засыпала под монотонные звуки.

Эх... если бы не ипотека, первым делом купила бы в кредит «Тойоту». Красную, обязательно красную.

За десять минут до поворота на нашу улицу встряла в мертвую пробку; какая-то мадемуазель на «Лендровере» впилилась в плешивенького мужичка на «БМВ». Вот классно, черт подери, оставалось всего-ничего. Я выключила зажигание, потому что застряла я как минимум минут на тридцать. Расслабилась и закрыла глаза.

Я хочу знать, какой он. Какой он будет. Что может быть приятнее, чем предвкушение, пусть даже ложное и несбыточное. В темноте, один на один; как он будет склоняться надо мной, что говорить, какие у него руки, как он дышит в самые интимные секунды. Я хочу знать, какой вы, Сергей Валентинович.

Все случилось в конце сентября. Костик пригласил главного врача на двухдневный эндокринологический съезд в Москве. Много свежих докладов и профессура из США, так что мероприятие обещало быть интересным. Было еще одно вакантное место; учитывая близкое знакомство со спонсором, я тут же позвонила Костику и нагло напросилась. Вечером второго дня конференции мы засиделись с большой компанией врачей в холле гостиницы. Сначала кофе, потом «Бейлис», потом пару рюмок коньяка. Народ разошелся, и как-то незаметно мы остались одни, я и Ефимов. В лифте,

кроме нас, тоже никого не было; и даже не помню, кто первый поцеловал.

Помню только, что тогда, в темноте, все тело мое как будто вспомнило что-то, и хотелось лишь одного – отдаться до самого конца, без остатка; чтобы именно этот мужчина окончательно перечеркнул все прошлое, и чтобы больше никогда не пришлось бояться. Ни за себя, ни за Катю; я не хочу больше бояться ничего и никогда. Короткие жесткие волосы, серые глаза, серьезный взгляд, и руки, большие и теплые. Столько нежности в мужчине, когда он осторожно целует живот, потом поднимается все выше, а потом уже реальность перестает существовать. Я думала, слушая спокойный мужской сон – он мой, я чувствую его, мне с ним хорошо. Ни одна женщина не спутает это ощущение ни с чем. Вот бы так и засыпать каждый день – положив голову на широкую мужскую грудь, густо поросшую седыми волосами.

На следующее утро проспали самолет. Помчались на Киевский вокзал, взяли билеты на скоростной поезд, и теперь впереди было целых четыре часа для разговора. Я чувствовала себя немного неловко, дневной свет может многое поменять. Например, я совершенно не понимала, как теперь обращаться – Сергей Валентинович, Сергей, Сережа.

Спокойствие. Все, что будет дальше, все уже произошло.

Поесть перед поездом мы не успели, уже в вагоне купили чай и какие-то булочки с творогом. Говорили о прошедшей конференции, о клинике; что еще нового можно прику-

пить на отделение; о том, как неплохо было бы взять в штат постоянного психотерапевта. Я тут же вспомнила про свою Ирку, но потом представила ее недовольную физиономию. Никакая сила не заставит Ирину Аванесовну Асрян просыпаться раньше восьми утра и ехать через пробки на работу. Никогда в жизни она не покинет свой уютный кабинет с зелеными креслами, и самое главное – с тайным входом прямо из ее квартиры. Так и прошло полдороги, пока не кончились отвлеченные темы для разговора. Сергей взял меня за руку, звук голоса почти на тон ниже:

– Лена, я хотел сказать... хотя тут и говорить не о чем. Наверняка ты давно заметила мое отношение к тебе. Я не очень умею говорить о чувствах, к сожалению, но я рад, что так случилось. Леночка, я надеюсь, это не случайная ночь. Ты не жалеешь?

– Я тоже очень рада. Только не знаю, как к вам теперь обращаться, товарищ главный врач. Особенно на работе.

– Я об этом совершенно не подумал.

– Предлагаю максимально зашифроваться. Иначе дамы из нового корпуса подсыпят крысиного яду мне в компот.

Первый раз увидела, как он смеется. Красивая улыбка. Я провела рукой по щеке. Так хотелось поцеловать эту небридность, а потом закопаться под тяжелую руку, пригреться в его объятиях и закрыть глаза.

– Сережа... сколько тебе лет?

– Сорок пять. Я старый для тебя.

– Каждая женщина подсознательно ищет себе еще одного папу.

– Буду знать. Кстати, завтра суббота. Что ты планируешь делать?

– Обычно мы с подругами мотаемся по городу, вместе с детьми. От кино и театра, до аквапарка и аттракционов на Крестовском.

– Понятно. Может быть, найдешь время в воскресенье? Я бы хотел увидеться. Можно посидеть где-нибудь на Невском, если ты, конечно, не против.

– Я попробую пристроить дочку к бабушке.

– Тогда я позвоню в субботу вечером, удобно?

– Конечно.

– Где ты живешь?

– На Ладожской.

– У тебя своя квартира?

– Снимаю, но скоро перееду в свою. Взяла ипотеку.

– Я понял.

Сергей довольно интеллигентно расспрашивал о Катьке, общается ли она с отцом; о моих родителях, и даже под конец задал сакраментальный вопрос, не встречаюсь ли я с кем в текущий момент жизни. Целый час мы говорили только обо мне. И ни слова о Сергее Валентиновиче Ефимове, как будто между строк все было известно. Я так и не решилась задать ни одного вопроса; последний час поездки прислонились друг к другу и спали, будто два школьника.

Остаток осени мы встречались два-три раза в неделю, как только находили свободное время. На работе изо всех сил соблюдали конспирацию. В конце рабочего дня каждый выезжал на своей машине в соседний переулок; я бросала папину «девятку» на маленькой стоянке, прыгала на заднее сиденье, и мы ехали к Сергею домой. Начальство проживало на Петроградской, в старом-престаром фонде, на первом этаже. Оказалось, его семья была собственником этой квартиры еще с дореволюционных времен и по удивительному стечению обстоятельств не потеряла имущество. Его прадед был белым офицером, он погиб во время Первой мировой; деду пришлось писать отречение от родителя, потому что детям дворян нельзя было поступить в Политехнический институт; по странной иронии судьбы дед и отец отдали всю свою трудовую жизнь КГБ и службе во внешней разведке. От ста с лишним лет безумной и трагичной истории остались три вещи – эта квартира, хорошо сохранившаяся фотография офицера царской армии и его жены с двумя сыновьями, да еще табличка около дверного звонка – «г-н Ефимов».

Большая, трехкомнатная, холодная и очень пустая квартира. Ни намек на существование женщины или детей, пусть даже в прошлом. Только фотография двух конопатых мальчишек на письменном столе; значит, было очень-очень больно.

Из-за Катки оставаться на ночь получалось редко, да и

вообще из-за больших расстояний между домами все происходило впопыхах. Но в те редкие ночи, когда никуда не надо было спешить, я понимала, какие разные бывают мужчины. Бывает, нет места ярости и безумию, как будто каждый раз есть последний. Бывает, густое ароматное облако медленно обволакивает от макушки до кончиков пальцев, парализует сознание и волю, захватывает тебя всю, без остатка. Неспешно, уверенно, как будто женское тело – хорошо изученный музыкальный инструмент. И так каждую ночь, по нарастающей.

Самым неожиданным для меня была его забота. В октябре совсем некстати сломалась папина «девятка», и тут же была приведена в порядок безо всякого моего вмешательства. сосед Сергея по лестничной клетке – заядлый рыбак дядя Василий шестидесяти лет от роду находился на воде и зимой, и летом, наш главный врач поддерживал соседское хобби, так что теперь у меня дома процветало рыбное вегетарианство. Помимо деликатесов с Финского залива, из каждой деловой командировки Сергей Валентинович привозил что-нибудь полезное или вкусное. Особенно запомнился приезд от друзей, проживающих в Финляндии – в понедельник доктор Сорокина вернулась домой с целым багажником стирального порошка, мыла, чистящего средства, сливочного масла и коробкой йогуртов. Самое вкусное на Земле – это финские йогурты, господа. Асрян была страшно довольна происходящим.

– Наконец-то. Я уже не надеялась... если честно, думала, сейчас начнется череда студентиков с кубиками на животе. Или Сухаревых номер два. А то и сам Сухарев, не дай бог. Когда в гости приведешь?

– Да ладно тебе, Ирка. Не хочу пока.

– Ишь ты, не хочет она. В паспорт свой посмотри повнимательнее, мадам. Уже не шестнадцать.

– Отстань.

Я была очень счастлива. Будто кто-то открыл сокровенную коробочку и не переставая дарил мне подарки, вот уже целых полтора года подряд.

Зима наступала, на улице холодало с каждым днем; чем короче становился день, тем сложнее было выползть в темноту из-под теплой мужской руки. Но я старалась держаться и не подавать виду. Моя способность к конспирации оказалась совершенно неожиданной – прошло три месяца, но даже Варька со Шреком не догадывались о происходящем. Это стоило больших усилий, иногда мне просто хотелось сесть с ними за наш маленький обеденный стол и все рассказать. Ведь в сущности – я не делала ничего аморального, я встречалась с разведенным мужчиной. Однако Сергей не афишировал наши отношения; а значит, я тоже не могла говорить об этом с коллегами.

Я ждала.

В конце ноября Сергей Валентинович прихватил любов-

ницу в очередную московскую командировку. Любовница обрадовалась; к тому времени наличие денег превратило меня в заядлого шопоголика, почище любой московской «мухлы». К тому же утром в гостинице любимый мужчина оставил на прикроватном столике пятьдесят тысяч «на булавки», при этом совершенно не напряглся и не выпячивал свой поступок. Сергей полдня провел в министерстве, потом встретился с таинственными хозяевами нашей клиники; так что свободного времени было много. Прохаживаясь по торговой галерее, я вспомнила, как полгода назад на одной из медицинских конференций наблюдала за двумя дамами из НИИ онкологии. Они проплывали мимо; бриллиантовые сережки колыхались в такт неспешным шагам, дорогие норковые шубы и сумки Louis Vuitton, надменный взгляд, скользкий без внимания по окружающим людям, прокаченные дорогим косметологом физиономии.

Новые Лица Новой Российской Медицины.

Чем дольше человек жил в нужде, тем зачастую быстрее и охотнее он погружается в мир бессмысленного камуфляжа. Странно; этот процесс, судя по всему, не всегда зависит от уровня интеллекта.

В таких размышлениях я скользила взглядом по витринам, не имея представления, на что потратить утренние деньги. Наконец, вот оно – маленький ювелирный магазин, а на витрине совершенно интеллигентные бриллиантовые гвоздики в белом золоте. Ровно пятьдесят тысяч рублей.

Прекрасно.

Ничего, скоро дойду до огромных, бросающихся в глаза вислолек.

Небольшое количество собственных ресурсов было потрачено на Катькины платья-колготки. Я вернулась в гостиницу в прекрасном настроении, чуть-чуть раньше Ефимова. Сергей остался доволен моей покупкой, я нацепила обновку и не стала снимать. Выходить не хотелось; заказали бутылочку вина и сыр с фруктами прямо в номер. Прекрасный вечер; перед сном я подумала – вот он, мой дом. В этом человеке. Без надрыва и страха о том, что же будет завтра; по крайней мере, мне этого страшно хотелось. Мне хотелось замуж, родить ему ребенка, а может, даже не одного; чтобы стерлось все, что до сих пор тревожило и его, и меня. Вот что нужно каждой женщине – жить рядом с собственным божеством, от которого исходит покой и уверенность. Потому и божество.

В поезде на обратном пути я продолжала думать. Интересно, тяжело ли Сергею Валентиновичу возвращаться домой одному, ложиться спать в холостяцкую постель? Очень хотелось бы знать ответ. По приезде домой я завалилась вместе с Катькой к Асрян и вместо Сергея задала этот вопрос ей. Вердикт оказался не очень оптимистичен.

– Не особенно-то расплывайся в мечтах, Сокольникова. Тут вопрос сложный на самом деле. Все-таки уже не мальчик, перенес серьезную личную драму, и, как я понимаю, не им инициированную, так ведь?

– Поговаривают, что так.

– Ну вот. Вполне возможно, он больше не захочет потрясений, поэтому будет держаться на расстоянии; это первый вариант. А второй – просто-напросто уже привык к холостяцкой жизни; никому не надо отчитываться, где ты и что ты. Так что ясности пока нет. Нет предложения – нет определенности. А ты что, уже небось размечталась о кренделях небесных?

– Ну... не без этого, конечно.

– Ладно, не расстраивайся. Смотри по сторонам активнее. На нем одном свет клином не сошелся.

– Да не хочу я никого, понимаешь? Кроме него, никого не вижу рядом. И вообще, это Сорокину я изменяла без зазрения совести, так сказать, во спасение себя и собственного ребенка. И вообще, по любви. А тут – если изменю, это будет просто тупое блядство. Не хочу.

– Ладно, только смотри, Сокольникова. Не досиди в любовницах до сорока лет.

После поездки в Москву прошло еще две недели; отношения с Сергеем протекали в том же режиме, что и вся уходящая осень – тайные встречи, соблюдение строгой конспирации, торопливые свидания у него дома, и всего лишь одна-единственная ночь с пятницы на субботу, которую Катька согласилась провести у бабушки. Я слушала, как становится ровнее сбившееся дыхание; через пару минут закрыла глаза

и тут же проваливалась в крепкий спокойный сон до самого утра. За завтраком состоялся неожиданный разговор.

– Лена, а почему бы мне с твоей девочкой не познакомиться? Мне кажется, так было бы проще.

От неожиданности я чуть не поперхнулась чаем.

– Ты знаешь, у меня после развода был гражданский брак. Правда, очень короткий; мы расстались, а дочка потом переживала, уже привыкла к человеку. Я просто хочу сказать, что больше не могу ее травмировать, ты понимаешь? Только не обижайся на меня.

– О чем ты, Лен? Я уже не мальчик. Послушай, я вот о чем на самом деле хотел тебя спросить. Что бы ты ответила на предложение пожениться?

– Я?! Боже, Сережа... я бы, конечно, ответила «да».

Сергей потянул меня за руку и посадил на колени.

Именно с ним я хочу быть вместе и надолго. До самого конца жизни. И ни с кем другим.

Последние две недели перед Новым годом шли кувырком. Все перепуталось, наслоилось одно на другое; события напоминали порожистую речку в Карелии. Я сидела в маленькой лодке, которую швыряло и бросало, и совершенно безрезультатно пыталась грести, наивно полагая, что управляю движением. Встал вопрос о переезде – сплавление происходило под девизом «кровь из носу до Нового года». Огромные волны накатывали на мое слабое судно одна за другой – а что делать с ипотечной квартирой? как теперь возить Катюку в

школу и на гимнастику? что делать непосредственно с самим процессом женитьбы? как и когда знакомить мое семейство, Катюку и друзей с женихом? Последним встал вопрос: а как же его родственники? Но тут оказалось все просто. Родители умерли, сестра в Архангельске, работает по семейной традиции в каких-то не очень понятных структурах, поэтому выехать без разрешения не может. Возможно, она приедет весной. Что до детей – дети в Америке. В один вечер поговорили по скайпу с сестрой и сыновьями, и все – знакомиться больше было не с кем. Единственный друг сосед Василий был мне знаком; что до приятелей – кто-то заходил в гости, и то больше по делу, кто-то появлялся на работе и дружески тряс руку.

Наконец, самый важный вопрос – что будет, когда о нашем решении станет известно в клинике? Это будет новость, сравнимая с землетрясением или цунами.

В пучине всех этих неразрешимых проблем Сергей еще раз продемонстрировал, как повезло с ним, причем совершенно незаслуженно, как потом выразилась Асрян. Мою ипотечную квартиру быстро приняли на руки от строителей и тут же сдали приличным жильцам, чтобы не сильно страдать по поводу выплаты кредита. Мои основные вещи были очень оперативно перевезены в квартиру Сергея и аккуратно распакованы бригадой совершенно трезвых грузчиков; маму, Асрян и семью Костика мы объехали за неполную субботу, Катюка была куплена с потрохами новым платьем, похо-

дом в дельфинарий и обещанием сразу же после Нового года поехать с тетей Ирой и ее семейством в Египет. По поводу школы – решено было пока не менять, доплачивать няньке Наталье и забирать ребенка после работы из дома Асрян. Родители и братья страшно обрадовались моему замужеству, а Костик подарил нам посудомойку.

На работе пришлось пережить пыльный ураган. Слава богу, основной удар приняли на себя Шрек и Варя; весь коллектив незамедлительно предал их анафеме, потому что никто не верил, что мои ближайшие товарищи не были в курсе. На последнем годовом совещании заведующих главный врач выступил с небольшим сообщением:

– Коллеги, с целью пресечения всевозможных разговоров, мешающих работе, хочу оповестить. Я и доктор Елена Сорокина из реанимационного отделения собираемся вступить в законный брак. Обещаем небольшой банкет для коллектива.

Конечно, коллектив набросился с поздравлениями; прежде всего на главного врача, а потом уже на меня. Буквально через час все как один атаковали Саню с Варей вопросами: что? как? почему? беременна или нет? уже давно и вообще? надолго ли? Мне стало страшно стыдно – мои первые друзья по работе все это время пребывали в полном неведении, а теперь за меня же и отдувались. Шрек и Варька побурчали пару дней, а потом вызвались помочь с организацией фуршета. Значит, простили.

Перед окончательным переездом я устроила девичник, на котором собрались Асрян, Женька, Оксана и я. Вердикт был вынесен единогласно: Ленке свезло так свезло. Вот, как говорится, бывает и у питерских разведеночек тоже белая полоса в жизни. После четырех бутылок вина было строго-настрого решено, что ни одна особь мужского пола, никакие расстояния и пробки в этом городе не нарушат регулярности наших посиделок. Потом уже вошли в полный штопор; смеялись, вспоминали прошлые романы, мужчин, подруг, свадьбы и разводы, по любви и по расчету, пока не начали плакать от смеха. Даже Оксанка неожиданно вспомнила про свой первый роман с военным-здоровенным капитаном летных войск.

– Девочки, приходим как-то к моей подруге, портнихе. Брюки ему подшить армейские. А у подружки спину продуло, как назло; согнуться-разогнуться не может, вот бедняжка! Ну, мы поставили в комнате табуретку, загнали туда моего летчика, чтобы не сильно нагибаться и фиксировать длину штанов. Померили, булавки к отворотам прицепили и пошли на кухню чай пить. Вскипятили чайник; сидим, болтаем, и тут минут через двадцать я спохватилась – чего-то не хватает. Мы тут лясы точим, а летчика моего нет и нет! Короче, вернулись в комнату, а он так и стоит на табуретке, с булавками на штанах. Я ему: что стоишь, Михаил? Уже все замерили. А он мне: так команды слезать не было. Представляете, так и застрял на табуретке посреди комнаты!

Мы с Женькой держались за животы, а Ирка, как всегда, нашла чем поддеть:

– Боже, Оксана, неужели ты не девственницей замуж вышла?

Хохот стоял на всю квартиру, соседям наверняка испортили спокойный вечер. Бывшие – прекрасная тема поржать на девичнике, и даже Асрян не удержалась от воспоминаний.

– Девки, а меня на первом курсе сватали, огромное армянское семейство. Это полный пипец; короче, свиноферма у них была под Вырицей. Приехали к моим предкам и говорят: денег заработали, теперь надо окультуриваться, так сказать. Надо нам невестку из интеллигентной семьи, и чтобы обязательно армянка. У нас уже одна интеллигентная невестка есть – учительница рисования, теперь можно по медицине пройтись. Девочки, я три дня в своей комнате баррикадировалась, пока они звонить и приходить не перестали. Мне потом свиньи всех цветов радуги несколько недель снились, кто в клеточку, кто в полосочку; ходили вокруг меня табунами и хрюкали.

В ход пошла пятая бутылка вина. Ирка продолжала в красках, как настоящий специалист по сновидениям, описывать все нюансы свинячей росписи. У одной на спине был фрагмент фрески Микеланджело из Сикстинской капеллы, у второй – черный квадрат Малевича, и даже Айвазовский с Брюлловым мелькали то тут, то там. Картинная галерея на розовых свинячьих спинках, но основная масса – в клеточку

и полосочку. Оксанка сидела как раз напротив меня и корчилась в судорогах, а у меня от смеха разболелся живот. Я завалилась на кресло в полном изнеможении и закрыла глаза.

Боже, вот это сейчас дедушка Фрейд подпрыгивает в холодном гробу. Хрюшки и Микеланджело.

Я лежала и слушала Иркин поток осознанного сумасшествия и истеричный гогот девчонок. Вдруг возникло тревожное ощущение; все это уже было, именно тут, на кухне у Асрян, такое же бесшабашное веселье, чуть было не закончившееся гибелью Стасика. Тут же ожили воспоминания – кусок говядины, застрявший в детском горле, крики Асрян, маникюрные ножницы в моих дрожащих руках, кровь на тонкой мальчишеской шее, и наконец, реанимация моей родной больницы. Еще полминуты, рассказ про армянских поросят закончился.

Сквозь вату я слышала Иркин голос:

– Женька, а как там твой дяденька с квартирой на Московском?

Я открыла глаза и повернулась; Женька стояла за моей спиной, прислонившись к балконной двери.

– Да все гуд. Думаю, скоро вместе с Ленкой с колясками гулять будем.

– О, а что молчала? Уже финишная прямая, можно сказать?

– Почти. Девчонки, скоро у нас будет достойное общество полноценных замужних баб. Предлагаю всем сходить еще по

разику в роддом; Оксанка, тебя можем освободить за высокую, так сказать, успеваемость. Потом предлагаю всем разжиреть, бросить работу, начать смотреть первый канал с утра до ночи, а потом будем собираться и обсуждать, кто как написал, кто как покакал. А еще лет через пять будем рассказывать друг другу про своих скотов-мужиков, про их блядей ненавистых и про жизнь свою молодую, да ни за что загубленную.

И тут я пригляделась и увидела, что Женька плачет.

– Блин, ты чего, Женька, что случилось?

– Да ничего... все в порядке. Просто тут пару дней назад бывшего встретила. На Крестовском; шел с женой, с детишками. Вот так вот, девочки.

– Женька, господи, ну ты даешь! Ты про мента своего, что ли?

– Про него. Да не, девочки... все нормально, правда. Я издалека видела. Даже не заметил меня. Так что все хорошо.

Асрян тут же вступила в ситуацию разводящим:

– Так, мои дорогие, все; перебрали и перержали. Давайте на этой веселой ноте разъезжаться, а то это уже не девичник, а поминки какие-то.

Стали собирать детей; мелкие тоже разошлись не на шутку, погромили детскую комнату основательно. Катька билась в истерику и требовала ночевки у Стаса; но я осталась непреклонна и загребла ее домой. Это была наша последняя ночь в съемной квартирке, вдвоем. В ванной, заворачивая ее в по-

лотенце, я сказала на ушко:

– Катрина, что ты думаешь по поводу Сергея Валентиновича?

– А мы точно поедем с тетей Ирой на море? И он тоже с нами?

– Уже билеты купили, не переживай.

– А на Новый год? Он не уедет от нас, как Слава?

– Нет. Планируем отпраздновать втроем.

Катька смотрела на меня выжидающе, а я не стала дополнять короткий ночной разговор ненужными деталями. Я ее родила, я ее люблю, а жизнь идет так, как идет. Точка. Нас обоих ждет новое будущее, гораздо лучше прежнего.

Катьке выделили самую большую комнату и купили дорогую красивую мебель, а нам – широкую кованую кровать, очень модную и тоже очень дорогую. Финальный аккорд – за четыре дня до Нового года я, Катрина, кошка Мика, остатки вещей и умирающая деффенбахия переехали на место постоянного проживания, в пяти минутах ходьбы от станции метро «Петроградская». На следующий день в обеденный перерыв мы подскочили к ЗАГСу на Михайловской, быстро расписались и на обратном пути в машине надели друг другу обручальные кольца. Благо что без очереди – заведующая ЗАГСом дружила с Валентиной и частенько навевалась ко мне поболтать о своей щитовидке.

Мы оба были очень, очень счастливы.

Сегодня я вышла замуж и поменяла фамилию. Я решила – снова буду Елена Андреевна Сокольникова. Я пытаюсь жить без тебя, доктор Сухарев.

2008–2010

Кессонная болезнь

Тридцать первое декабря две тысячи восемь, господа. Самый лучший Новый год в моей жизни. Мы были дома, втроем – только я, Катька и муж. На столе селедка под шубой, оливье и запеченная в духовке курица; смотрели телик и набивали животы. К половине второго ночи выгнали ребенка спать и к трем часам завалились сами. Один из нас потерял семью несколько лет назад, а вторая толком и не имела ее, если подумать хорошенько. Не стоит объяснять, что такое прижаться перед сном к мужчине и быть стопроцентно уверенной, что это самая важная часть твоей жизни. С большой надеждой, что навсегда.

Сергей Валентинович на работе и Сережа дома оказались совершенно разными личностями. Муж Лены Сокольниковой проявил себя человеком мягким, очень уступчивым и ради домашнего покоя согласным на все. Однако, что касалось кардинальных решений – планы на ближайшие полгода, семейный бюджет или отдых, а также вопросы по работе – тут его и без того негромкий голос становился совсем тихим и совершенно непреклонным. Несмотря на это, идею посленовогоднего Египта с семейством Асрян он принял безропотно; Сергею Валентиновичу, так же как и мне, хотелось крепкой счастливой семьи, а у настоящих семей всегда во-

круг такие же настоящие семьи.

Асрянский муж Сашка Эппельбаум с терпением и пониманием принимал всех моих мужчин, и этот не стал исключением. По приезду на курорт Сергей оказался в нескучной компании коллеги по цеху, а мы с Асрян отъедали и отпивали бока на правах полноценных замужних женщин. Дети жили своей жизнью, быстро нашли себе друзей и мучили аниматоров с утра до ночи. Самое важное – Катька была очень счастлива. Мимоходом я услышала, как в разговоре с детворой она сказала слово «родители». У нее теперь тоже есть родители, а не одна только мама. Пусть даже не папа, а просто Сережа, но главное – нас теперь двое, и мы для нее.

Утром выползали на пляж; вместо аэробики или пробежки вдоль линии моря заваливались на лежаки, прихватив в баре много чего калорийного. Некоторое время Асрян наблюдала, как Сергей учит мою мадемуазель нырять с головой, после чего отразила реальность сквозь призму психиатрии:

– Старшие дети мальчишки, насколько я помню?

– Ага.

– Возраст?

– Девятнадцать и двадцать один.

– И тут подфартило. Девочка – это совсем другое дело.

Без ностальгии и сравнений, как говорится.

– Я сама не могу поверить, Ирка. Как будто и не со мной все это.

– Теперь имей мозги и береги что есть. Хватит уже ярких эмоций и душераздирающих воспоминаний.

– Ты о чем это? Никто ничего не вспоминает, Ирка.

– Ни о чем. Проехали.

Мягкое январское солнце, теплая вода. Последние дни ушли на просмотр достопримечательностей: храм Карнак, а потом пирамиды. Дул ветер, народ в приступе экзальтации бегал вокруг с открытыми ртами. Огромные камни, много-много сотен лет, сложившихся в тысячелетия.

Зачем вы строили все это, люди? Чего хотели, что вами двигало?

Сергей стоял рядом, Катька ухватила за мужскую ладонь обеими руками; ей явно было не по себе от зрелища неправдоподобных каменных гигантов посреди пустыни. Я прислонилась к мужнину плечу.

– Я вот думаю, Сергей Валентинович... неужели это все, чтобы просто положить труп?

– Трупы трупами, конечно... Вообще-то, для меня этот вопрос совершенно прозрачен. В прошлых эпохах религиозные сооружения строили соразмерно количеству страха смерти, а также техническим возможностям, и обратно пропорционально уровню знаний.

– А может, они знали намного больше, чем мы? К чему все эти конусы к небу по всей земле?

– Лена, ты противоречишь ходу развития цивилизации. В восемьдесят-девяносто помереть атеистом не страшно, про-

жил достаточно долго, увидел много. А вот в двадцать-тридцать от чумы, холеры или просто голода – это жутковато. Чем страшнее, тем больше стена, это же очевидно.

Я думала, что все эти рассуждения очень логичны и правильны. И вообще, чтобы прожить счастливую жизнь, надо меньше мучить мозг, и тогда ничего лишнего на твоём пути не случится.

После десяти дней всенародного отпуска начались трудовые будни. Моя рабочая семья, Шрек и Варюша, чувствовали себя теперь еще лучше, чем прежде. Ефимов старался не делать привилегий для меня и моих товарищей; но все равно, не всегда адекватно обоснованные устные пожелания и письменные требования исполнялись довольно часто. Теперь, помимо работы и ребенка, появились совсем другие, незнакомые для меня аспекты жизни. Несколько месяцев после Нового года я провела за приятными хлопотами; меняла шторы, кухонную мебель; затеяла разрушительный ремонт в ванной – в общем, к концу весны квартира на Петроградской была окончательно разгромлена. Последним бастионом холостяцкой жизни оставался только шкаф с аккуратно развешенными костюмами и рубашками, – все остальное подверглось обновлению.

Моя попытка осуществить набег на «Икею» была резко пресечена Асрян:

– Ты все-таки больная, Сокольниковка. У тебя мужик глав-

ный врач! Клиника сейчас в рейтинге по городу на третьем месте, я посмотрела. А ты собираешься всякое говно в дом тащить?!

После этого Ирка вызвала дизайнера, совершенно голубого мальчишка Алексея. Под его контролем объездили все самые престижные итальянские мебельные магазины; то же самое про сантехнику, кафель и паркет. Только к августу Сергей Валентинович наконец пришел домой, не боясь увидеть очередной склад коробок с мусором около входа. Одновременно и очень некстати, как это обычно бывает, снова поломались папины «Жигули». Остатки моего прошлого были проданы за сто шестьдесят тысяч рублей, и в середине августа мы отправились в Тунис – обмывать покупку премиленькой темно-синей «Тойоты». Мы и Ирка с домочадцами.

Проще всего дружить семьям с одинаковым достатком; совместный доход семьи Асрян – Эппельбаум был хорош и вдобавок постоянно увеличивался. Асрян, несмотря на молодость, постепенно отвоевала звание самого престижного психотерапевта северной столицы; ее клиенты приезжали на больших темных «Мерседесах», с шофером и даже бывало – с машиной сопровождения. Она купила дачу в Финляндии, и с началом сентября Стасик и Катька повисли на мне, потому что Саня ушел в рейс, а Асрян всецело погрузилась в хлопоты, связанные с домом. Началась вторая гонка «кровь из носу к новогодним праздникам».

Естественно, никто даже не обсуждал, где мы все будем

праздновать следующий Новый год. Сергей уже привык к большому и сложно устроенному семейству, кроме домочадцев Асрян включающему в себя еще семьи Костика, Оксанки и Женьки. Мне казалось, он даже был рад сменить полное одиночество на тотальный бардак; на мое удивление, никто не возмутился, когда утром в субботу раздавался звонок из дома Асрян:

– Сергей, подъем в пионерском лагере, семь тридцать. Надо забрать Стаса, съездить с ними в ТЮЗ, билеты я купила, меня не будет до вечера воскресенья. Ребенок пока с няней, заплатите ей за три часа, у меня нет наличности. Ленке напомни: надо спальню в мой дом поехать оформить, пока ты с детьми. До скорого. Ты все понял?

Сергей Валентинович в таких случаях заканчивал разговор словами: «Так точно, товарищ главнокомандующий» и отдавал честь телефонной трубке. А потом за завтраком вспоминал о Сашке Эппельбауме и грустно вздыхал:

– Потому и сидит по четыре месяца в рейсе. Человеку тоже надо отдохнуть.

Наконец, к декабрю закончился хаотический год бесконечных ремонтов и обновлений, все успокоилось и перешло в стабильное расписание. Оставалось одно – все приближенные к армянскому телу должны были немедленно решить вопрос с шенгенской визой, если у кого он был не решен. Оксанка с семьей, беременная Женька со своим солидным дядькой и сыном от первого брака, мы втроем; а также ре-

шено было прихватить семью Костика.

Дом в Финляндии оказался большой – два этажа и восемь комнат. Тридцать первого утром все были на месте; разбирали продукты, налаживали мангал, сауну, искали по машинам забытые санки для детей. Кто-то же должен был по списку взять санки?! Ирка заглянула в свой блокнот, где были расписаны обязанности каждого из прибывших, и быстро нашла виновника недостачи. Костик тоже приехал, хотя у себя на даче ему было бы намного комфортнее. Наверное, жена и дети поддержали идею большой компании и заставили его поторопиться с визами.

Самое привлекательное место – новая сауна. В ней все еще пахло деревом, и жар был такой, что пробирало до костей. Народ сидел в полном изнеможении, а потом все выбежали и с воплями плюхались в снег. Один только Костик выскочил из сауны через три минуты, сославшись на слишком высокую температуру в ней. Чтобы не мешать остальным, он быстро помылся и уселся в гостиной на диван. Закутавшись в покрывало, он ожидал еды в обществе телевизора.

Мужчина, одеяло и сигареты. Вместо пепельницы Ирка выделила ему маленькое блюдечко и поставила его на открытую веранду. Мне хотелось поговорить с ним, даже не важно о чем; хотелось поблагодарить, что он приехал. Я плюхнулась рядом.

– Костик, бросай уже табачить.

– Я же на улице, никому не мешаю. И вообще, никотин

уже давно встроился в мои обменные процессы.

– Блин, ты же врач, что ты такое говоришь?

– Ладно, не начинай, жена тоже уже запилила. После десятого числа пойду кодироваться. Сам уже вряд ли смогу.

– Я спрошу у Асрян, куда лучше обратиться по такому вопросу. Она всех в городе знает.

– Спроси уж. А то моя Ирка правда очень переживает.

– Как у тебя на работе?

– Да ничего, все по-старому. С февраля буду главой по всему северо-западу. Езды, конечно, много, но по деньгам очень неплохо. Надо еще «МВА» получить, все руки не доходят.

– Ну, ты красавчик. Все-таки умные и талантливые люди преуспевают везде.

– Да ладно. Про талант – это чересчур.

– Ничего не чересчур. Реанимация – это тоже особый дар, особенно что касается наркозов. Все в больнице это знали, а первый – Сухарев. Он вообще без тебя потом долго ни с кем работать не мог, да и Федька тоже, со всеми реаниматологами пересобачился. Костя...

– Лен, давай не будем.

Я не стала продолжать. Нельзя было вспоминать Сухарева. И про больницу – тоже не стоило. Поговорили о Катке, потом о моей маленькой терапевтической реанимации и разошлись поскорее.

Первого числа общество распалось на три части – де-

ти, мужчины, женщины. Мы соблюдали наши бабские посиделки весь год, несмотря на череду замужеств, ремонтов и Женькину беременность, встречались не менее пары раз в месяц у Ирки, а в декабре не получилось. Потому очень хотелось уединиться и продолжить старые разговоры. Новый год – всегда повод подвести итоги. Покричали Костину жёну, но кто-то из детей потребовал сказки на ночь, и она не спустилась. Асрян приготовила мартини со льдом; все получали удовольствие, и даже Женька воспользовалась моей индальгенцией на употребление алкоголя – поставила зелено-го змия на большой беременный живот и недоверчиво вглядывалась в плавающие кусочки замерзшей воды. Мне стало смешно.

– Не бойсь, уже все органы сформировались, даже вредность и сексуальность. Чуть-чуть можно.

Женька смеялась, преодолевая беременную зевоту; Ирка после сауны пребывала в состоянии полного анабиоза, и только Оксанка находилась в совершенно воздушном настроении:

– Девочки, какой хороший был год! Я так рада! Я ходила и молилась, чтобы так все и было. Лен, осталось тебе и Ирке за вторым сходить.

Асрян поморщилась:

– Может, Сокольникова и соберётся, а мне лень. Оксанка, вообще, у тебя православие головного мозга. Знаешь, есть такой диагноз, между прочим. Дело не в молитве, пойми.

Смысл в людях, в социуме и даже в случайности. Просто этим двум курицам повезло, и пока что обеим хватает ума не изгадить все. Жизнь подкинула хорошие карты, и тут дело даже не в красоте, хотя и в ней, заразе такой, конечно. Все-таки тридцатник есть тридцатник, девочки. Надо трезво смотреть на вещи. Молодые и бездетные ростовчанки выходят на тропу войны; как говорится, вырвут добычу даже из нижней трети пищевода.

– Ир, я уверена, ты тоже придешь к Богу. Сколько бы мы ни знали о человеке, все равно главного не объяснить.

Тут я почему-то сильно разозлилась:

– Оксан, слушай, ну неужели ты это серьезно, а? Ты же умный человек.

– Что же теперь, разве мало верующих умных людей?

– Блин, ну о чем ты? О чем все эти гребаные несколько тысяч лет?! Хорошо, расскажи мне. Собачка померла, полежала пару часиков, а потом встала и побежала, потому что добрая была собачка, питалась исключительно святой водой и никогда никого просто так не кусала? Всем желала только добра. Ну, скажи, это что? Это реальность? И ты в это веришь?! Я просто тебя прошу, не пачкай мозги. Хороший способ управлять толпой, черт подери. Это всего лишь страх смерти, больше ничего, неужели не понятно? Главная проблема разумного млекопитающего. Верь лучше в себя и в друзей, в семью, в своих детей, наконец. Вот это и есть жизнь после смерти, твои дела и твои дети.

Я замолчала и в ту же секунду поняла, как жестоко перебрала в тональности на такую щепетильную тему. Но Оксанка даже не думала обижаться, непоколебимо находясь на собственной орбите. Общество разделилось; Женька стала ее защищать, но без фанатизма:

– Девочки, только вот не надо тоже в крайность ударяться. Может, ты и права, Ленка, но все равно. Уж точно не от гамадрила дело пошло, и вообще, еще много чего у человечества бралось неизвестно откуда. А если серьезно, я не боюсь умереть, правда. Я буду старенькой-престаренькой, почти слепой бабушкой, дети купят мне большую палку и переносной туалет в комнату. И вообще, я хочу умереть от любви.

Асрян тут же свела брови в четкую непрерывную линию.

– Женька, ты настоящий истероидный акцептуант.

– Нет, правда. Вздохнуть последний раз, и чтобы мои воспоминания были такими же яркими, как сейчас, чтобы не стирались до самой последней секунды – его руки, глаза, дыхание; последний раз почувствовать запах, вспомнить движения тела. И умереть с ощущением полного счастья.

Я хотела уточнить, кого из своих мужчин она имеет в виду, да не стала. Про любовь никто разговаривать не хотел, включая меня, поэтому продолжили про ожившую собачку. Теории браковались одна за другой, включая инопланетян и мартышек; никто уже не настаивал на дедушке Дарвине, и про несчастного замученного Христа тоже позабыли. Под конец аргументы истощились с обеих сторон, все перепута-

лось и стало непонятно, кто какую позицию отстаивает. Итог оказался неожиданный – было решено будущего Женькиного ребенка обязательно крестить, и крестной назначили меня. Я вяло сопротивлялась, но Женька уже была готова обидеться, так что вопрос решился за пять минут в положительную сторону. Кухонные часы показывали почти час ночи; все устало, беременная страдала от духоты и пыталась открыть все окна подряд, то и дело она шумно вздыхала, ерзала в попытке занять удобное положение. Решили пойти спать, и каждый ушел в собственных мыслях, так и не найдя однозначной опоры. Все, кроме Оксанки, конечно.

Разговоры про дедушку Дарвина не прошли бесследно. Сознание мое на несколько недель оставалось беспокойным и совершенно вышло из берегов, когда в один прекрасный пятничный день на пороге отделения материализовался поп. Батюшка был при полном параде, в рясе и с крестом на шее. В одной руке он держал какую-то круглую штуку на цепочке, в другой – ведро с водой. Рядом стояла благостная бабушка и тонким голосочком подпевала молитвы. Как потом выяснилось, таинственный граф Калиостро, он же хозяин нашей клиники, скоропостижно заразился православием и решил вместо психотерапевта приглашать батюшку на еженедельной основе. Юный, почти безбородный отец поперся в реанимационные палаты, не спросив разрешения у медперсонала; по дороге размахивал своими приспособлениями и

бубнил под нос что-то нечленораздельное. Подходил к каждой койке и обрызгивал наших больных водой, бабушка селенила рядом и помогала с поливом. Конечно, никто из гостей не уточнил, что в тот момент на койках отделения находились трое православных, двое мусульман и один иудей. Кто был в сознании, на удивление оказались совершенно не против, один даже поцеловал парню руку. Я ошетибилась и уже была готова пойти в атаку; но поп, не теряя скорости, вернулся к дверному проему и с большим энтузиазмом облил доктора Сокольникову практически от макушки до пяток. В конце парень изобразил крест над злобной врачебной физиономией и еще пару секунд смотрел мне в глаза, очень серьезно и как-то по-доброму. Желание ругаться пропало.

– Господь хранит вас на ваше святое дело, доктор.

Так же без спросу он открыл дверь в ординаторскую, окатил Варьку и проснувшегося от неожиданности Шрека. Саня с перепугу подскочил и брякнул неуместное:

– Мать моя женщина, Ленка, че случилось? Помер, что ли, кто, пока я спал?

– Не. Я б тебя разбудила, не переживай. У нас тут священное ополаскивание теперь будет, на еженедельной основе.

Юноша как будто меня не слышал, а только пошел по второму кругу – крестить медперсонал и продолжать непонятные песнопения. И тут я подумала: ну и черт с ним, пусть ходит по пятницам и поливает, потому что его вера в служение светлому так велика и так очевидна, что и правда своим

присутствием он дарит добро людям. Не те, кто возит огромные животы под рясами на «Мерседесах» последней модели, а также носит дорогие часы; а именно он. И это даже лучше для больных людей и сумасшедших докторов; намного лучше, чем Асрян со своим прогрессирующим сарказмом-реализмом.

Никто ничего не знает, только одной Оксанке хорошо. Ну и батюшке, конечно.

Вечером за ужином Сергей Валентинович выразил благодарность за толерантное отношение к слуге божьему.

– Я испугался, что забыл тебя предупредить. Думал, покусает несчастного мальчика.

– Да ладно, пусть приходит.

Батюшка продолжал пятничные визиты регулярно и не опаздывая, к часу дня. Приезжал неизменно с бабулей, на скромном стареньком «Форде», махал кадиллом (теперь я знаю, что это за банка), много не разговаривал и старался завершить побыстрее. Словно чувствовал, как я раздражаюсь. Через несколько пятниц Варька взяла за правило поить его и бабушку чаем. Божьи люди поначалу отказывались, потом стали оставаться на лишние двадцать минут. Так мы и нашли общий язык, безмолвно и не приставая друг к другу. Оказалось, батюшке всего двадцать пять лет. Он сирота, до пятнадцати лет жил со старенькой бабушкой на ее скромную пенсию; бабушке было за восемьдесят, она думала о своей старости и переживала за внука. Она гадала день за днем,

как и кто защитит его, кто воспитает внука в добре и порядочности после ее смерти. Наконец, она нашла выход из положения – отдала его в семинарию, и, видимо, не ошиблась. Мальчик обрел смысл, основу и веру; женился и уже стал отцом троих детей.

Особенно сильно я прониклась уважением к юноше после одного инцидента: в какую-то из апрельских пятниц доктор Сокольникова ехала на работу в полном раздражении. Женька родила четыре недели назад, уже пора было осуществить обряд крещения, но, как оказалось, я не могла принять на себя высокое звание крестной матери. По новым церковным законам для этого необходимо аж три раза сходить в церковь, три раза покаяться в грехах, три раза слушать поповские проповеди и, наконец, один раз получить заветную разрешительную бумажку. По дороге в машине я громко возмущалась и мешала Сергею Валентиновичу следить за движением.

– Да какие такие, черт возьми, грехи! Да пошли они в задницу! Я с двадцати лет живу в мясорубке, вот и все мое отпущение грехов. Совсем охренели, не пойду никуда. Пусть придут и за кого-нибудь в нашем старом приемнике сутки отдежурят. Да так, чтобы не было возможности сходить в туалет по несколько часов, а с утра вообще от недосыпа день с ночью перепутают. А потом уже требуют раскаяния, толстопузы чертовы.

– Ну что ты завелась? Позвони Жене и скажи, что тебе

некогда по церквям ходить.

– Да не в этом дело, разве ты не понимаешь? Люди жизнью грешат и искупают, а не болтовней. Все, придет наш херувимчик, выкину под зад коленом.

– Не думай даже, я не разрешаю.

Я насупилась и злобно замолчала.

В двенадцать дня Елену Андреевну накрыла кара небесная – вчерашний, пока еще плохо обследованный больной выдал грандиозный приступ кашля с рвотой; и все бы ничего, но изо рта фонтаном хлестала алая кровь. Варька одним прыжком переместилась из ординаторской в палату.

– Легочное кровотечение, мама дорогая, Лен!

Я бросилась помогать. Мои форма, лицо и руки за пару минут были залиты кровью, как будто кто-то взял большой таз и окатил с головы до ног.

Вот она, святая вода.

Шрек в этот день, как назло, валялся дома с температурой; ждать помощи было неоткуда. Больной задыхался, слабел с каждой секундой, стал серого цвета и покрылся мелкими капельками пота. Лицо безжизненное, походило на скорбную маску; еще немного – и он мог потерять сознание. Ход событий ускорился и стал неконтролируем, стрелки огромных черных часов молотили мне по голове все сильнее и сильнее.

С чего это вдруг легочное кровотечение, не понятно... вчера на снимке в легких ничего особенного не было. Ох, что-

то страшиновато, не укладывается ни во что... время, время уходит. Этот ужасный молоток... мамочка, или кто там есть, помогите, чем можете... Раз, два, три, четыре... время, черт возьми... давление не держит, вот паразит, на мою голову, а!..

Я лихорадочно перебирала в голове максимально возможные варианты, и все никак не срасталось – то три плюс два, то наоборот, в то время как мужик продолжал изрыгать на нас кровавые потоки.

Секунда, сразу еще одна, удары все быстрее, еще, и еще раз... чем тупее врач, тем больше могилки за оградой, Елена Андреевна. Уже звоните куда-нибудь, бестолковая вы дура... стрелки двигаются!..

Молоток в голове стучал по мозгам все сильнее, все быстрее; и тут как будто заказывали – пространство сгустилось и начало расширяться, из поля зрения пропало все ненужное; осталось только то, что дышало опасностью и предчувствием близкого конца. Грудная клетка, ребра, потом глубже, внутрь; живое увеличивалось до мельчайших деталей, легкие, сердце, и все как будто правильное и относительно здоровое. Каждая деталь выполняла часть сложной и давно уже распланированной программы. А потом еще глубже, и наконец – то самое, искомое – пищевод, покрытый изнутри огромными извилистыми венами. Рваные ленты между жизнью и смертью; вены пульсировали и с каждым новым толчком извергали наружу новые потоки крови.

– Варя, Варя, Варя, где-то валялся зонд для пищевода, кровотечение говорю, вены варикозные, пищевод... Черт, быстрее, надо эндоскописта позвать, беги, звони ему на трубку!

Варька резко взбодрилась, услышав первую внятную информацию; отсутствовала ровно двадцать секунд, вернулась, и мы на последней скорости стали менять банки с растворами, кислород, кровоостанавливающие, заказывали по громкой связи кровь. Когда мужик попытался сдаться и закрыть глаза, нещадно стали бить его по щекам.

– Считаем мысленно вместе со мной и дышим, мой хороший, дышим... раз, два, три, четыре, вдох-выдох, не сдавайся, а то сами приедем, так быстрее будет, и нам хлопот меньше... глубже, медленнее... давай, дружок, не засыпаем.

Я смотрела на его лицо, почти отчаявшееся и совсем уставшее; чувствовала всем телом, как он цепляется за меня. Ведь рядом никого, кроме девчонки в белом халате; ни семьи, ни друзей, ни прошлой жизни. Прибежал эндоскопист в белоснежных теннисных тапочках Lacoste, недовольно поморщился при виде кровавых луж на полу и по стеночке нашел чистый путь к голове пострадавшего. За несколько секунд проверил мой диагноз, недовольно крякнул, потом быстро и профессионально запихал мужику в пищевод спасительную штуку, одарил нас с Варей воздушным поцелуем и удрал обратно на прием.

– Девочки, оревуар!

– И вам по тому же месту, доктор.

И вроде как потихоньку все начало прекращаться. Надежда теперь имела вполне осязаемые очертания, мы утроили усилия. В процессе я наклонилась к Варькиному уху:

– Варь, не помню, как больного-то зовут.

Варя посмотрела на меня как на маленького ребенка и так же тихо ответила:

– Господи, да это ж всей питерской таможни начальник. Доктор, ну вы вообще. Василий Семенович Сброжек его зовут.

Я наклонилась к койке и потянула мужика за плечи.

– Василий Семенович, давай, дыши, мой золотой, не засыпай, почти все уже, я обещаю, почти все. Немножко осталось, потерпи, дорогой мой. А то сейчас начну делать больно.

Варя померила давление.

– Уже почти жив, Лен.

Краем глаза я увидела открывающуюся дверь и черную рясу; батюшка с помощницей замерли на входе в палату.

Если сейчас полезет грехи отпустить, убью.

Херувимчик войти не решился, прикрыл дверь и остался в коридоре. Мы с Верой еще около часа скакали вокруг дядьки, проклиная его любовницу-наркоманку двадцатилетней давности, а теперь гепатит С, цирроз печени и, как следствие, расширенные вены пищевода; а также плохую погоду и магнитную бурю, накрывшую наше депрессивное болото. Именно она, эта самая магнитная буря, зараза такая, виноват-

та в ужасном кровотечении. Это было официальное мнение соседей по палате. Зрелище и правда со стороны казалось очень страшным; но двое из четырех мужиков, которые могли вставать, бегали вместе с нами и подавали Варю все необходимое из пристеночных шкафов. Варька в раздраженной истерике орала на добровольных помощников:

– Смирнов, ты зачем в стерильный шкаф грязными руками полез!

– Так ты же сама, Варюша, просила лоток с красной полозой вытащить!

– Ай, ладно, тащи... справа смотри, на верхней полке. Я говорю, на верхней полке... Руки, руки не пихай, говорю, Смирнов!

– Да как же я возьму, если руки не пихать, Варя?!

– Ой, я не могу, опять стерилизовать все заново... боже... да уже неси скорее, Смирнов!

Стремление помочь объединяет больных и здоровых, богатых и бедных; в эту минуту все забыли, сколько заплатили за лечение, какие эксклюзивные услуги должны получить и как тщательно персонал должен пестовать высокое социальное положение своих клиентов. Под конец мужичок совсем обессилен, но остался жить; дыхание стало равным, кровавый кашель прекратился. Соседи по койкам получили массу эмоций; почище, чем сходить на крутой боевик.

– Ну, девочки, респект! Точно помереть не дадите.

Варька довольно улыбнулась в ответ:

– От нас просто так не отделаешься, Смирнов. Не в этой блатной больничке выращены.

Успокоились, поставили капать пару доз крови, решили сделать перерыв и пойти выпить чаю. В коридоре обнаружился херувимчик с бабушкой, про которого я на тот момент благополучно забыла. Сидел в маленьком кресле для посетителей и смиренно ждал. Две женщины, залитые кровью с ног до головы, бледные и напряженные, как стальная нитка, смотрели на него не очень добрым взглядом.

– Елена Андреевна, мы сегодня не вовремя? Может, отложить до следующей недели?

Страшно хотелось нахамить.

– Идите, батюшка, уже можно. Теперь ваш черед; как говорится, после молитвы божьей больной пошел на поправку. А точнее, после трех часов реанимационных мероприятий.

Парень сделал вид, что не заметил моего сарказма.

– Спасибо, мы ненадолго сегодня.

Тут я вспомнила про Женьку и ее новорожденного.

– Батюшка, мне бумажка нужна, типа я вся безгрешная и могу быть крестной мамой. Только сразу говорю – ходить исповедоваться времени нет.

– Конечно, Елена Андреевна, я перед уходом напишу. Только бланк принесу из машины.

Обливание в тот день начали с меня и Вари; потом больные, а потом тихо по-семейному пили все вместе чай, да в конце опрокинули по паре рюмок дежурного коньяка.

- Святой отец, вам же за руль.
- Меня не останавливают, Варенька. Да и вожу аккуратно.
- Вот оно, коррупция. Не совестно же вам.
- Ничего, Бог поможет, доедем.
- Не сомневаюсь.

В тот день херувимчик не поленился вернуться на стоянку за бумагами и оставил мне индульгенцию. Много раз еще мы все вместе пили чай; однако ни религию, ни господина Дарвина не обсуждали.

Женькину прелестную девочку окрестили перед майскими праздниками и затем устроили вторую вылазку в Финляндию. Семья Костика не присоединилась, уехали путешествовать по Европе. Все женщины, включая меня, с огромным энтузиазмом таскали на руках маленький розовый кулечек с раннего утра до поздней ночи. Девочка уже проявила себя крайне спокойным ребенком. Хотя на самом деле выбора у нее не оставалось; спать приходилось исключительно под аккомпанемент детской беготни и громких женских разговоров. По дороге домой уставшая от общения Катька заснула, а я на пике воодушевления неосторожно затеяла разговор.

- Сережа, давай родим. Мы же еще молодые.
- Ну что ты возбудилась, Лен? Мне уже сорок шесть, забыла? Я даже для Кати староват.
- Мужики и в пятьдесят рожают, и ничего.
- А как потом в школу на собрания ходить? Дедушкой

представляться?

– А ты ходил?

– Ходил. Кстати, уже пару раз вместо тебя ходил и планирую ходить дальше. Послушай... у нас все хорошо. Я тебя очень люблю; и тебя, и Катерину. Ты это знаешь. Давай вырастим, дадим образование и проживем для себя. Я подумывал квартирку в Испании присмотреть. Разве плохая идея? На пенсии переедем; твою двушку Кате, нашу сдадим, еще подкопим денег, сколько сможем. Катя будет с внуками приезжать.

Я ничего не ответила; до дому доехали молча. Сергей включил свое любимое «Радио джаз», Катрина спала, я закрыла глаза и вспоминала Женькину прелестную дочку. Через пару недель я сделала глупость и рассказала о нашей маленькой ссоре Асрян. Конечно, Ирка не преминула позлословить на эту тему:

– А ты вся такая честная... нормальные бабы бросают таблетки пить, и все дело.

Конечно, так и надо было сделать – тайно бросить противозачаточные, и все дела. Но в тот момент Лена Сокольникова не решилась. Наверное, и правда нет ничего лучше – квартирка в Испании, берег моря, покой; рядом человек, который тебе дорог и которого ты понимаешь, и так до самого конца. Зачем постоянно пытаться плыть против течения? Зачем мучить себя и добровольно лишаться ночного сна на пару лет, а потом еще на десяток – личной свободы?

Пришло лето.

К несчастью, наше большое, состоящее из нескольких подразделений семейство так и не смогло никуда выбрать-ся. Причиной послужил Женькин муж Анатолий, тот самый приличный дядька. В середине июля, совершенно без особых на то оснований, он пару раз брякнулся в обморок. Все сразу забегали, срочно потащили на МРТ, энцефалограмму и, конечно, к очередному асрянскому профессору в Первый медицинский. Когда вокруг много медиков, народ быстро выучивает самые страшные слова – опухоль головного мозга, эпилепсия, а может, вообще, рассеянный склероз. Конечно, все обошлось; модный невролог подтвердил наличие переутомления на фоне неожиданно жаркой погоды. Поездка на моря оказалась не рекомендована в этот сезон. Никто не расстроился; здоровье, как говорится, важнее. Однако Женька сильно разволновалась по поводу инцидента, живо представив себе картину гордого вдовства с двумя маленькими детьми на руках, и потому решила получить от жизни полные гарантии дальнейшего спокойного существования. Решение оказалось необычным – в одну из пятниц она приволокла к Асрян весьма забавного персонажа. Даму звали Илона; около сорока с небольшим, высокая, худая, с огненно-рыжими волосами.

– Девочки, даже не знаю, как представить. Наверное, гадалка. А может, даже экстрасенс. Одно точно – самая доро-

гая в городе. Короче, гоните по четыре тысячи с носа.

Я и Оксана повели себя сдержанно и безропотно открыли кошельки; у Ирки на лице тут же появилось то самое выражение, когда на приеме появляется заведомо безнадежный клиент. Крайняя степень приветливости и внимания; однако деньги тоже отдала.

Встал вопрос о приватном месте, где каждый сможет остаться с чародейкой один на один. Ирка пожертвовала своей спальней; место как раз подходящее – тяжелые коричневые шторы, полумрак и тишина. Илона говорила и одновременно гадала на картах Таро; «консультация» одного человека занимала около часа. Тянули жребий – в итоге я оказалась предпоследней, Асрян в самом конце. Пока ждала своей очереди, решила, раз участвую в этом цирке, значит, задам пару вопросов из области: сколько у меня будет детей и где буду жить через десять лет; как скоро Катя выйдет замуж; ну и для разнообразия, сколько у нас будет внуков. Однако с первой же минуты дама начала говорить сама, просто посмотрев на меня и без всякой прелюдии. Рассказывала про красивое светлое помещение; про рыжеволосую девочку, рано уехавшую из дома, про большого сутулого мужчину в белой одежде, который смотрит вдаль печально и с надеждой. Я разочарованно терпела до конца сеанса, как вдруг монолог прервался прямым вопросом:

– Вы медик?

– Эээээ... ну да.

Спросить заранее о составе публики было не сложно, дорогая моя.

– Вы знаете, Елена... последнее время какая-то напасть на молодых женщин, столько проблем с гинекологией! Большие города, адский ритм жизни; у всех одно и то же. Как будто матка чем-то светлым посыпана, похоже на песок, что ли. Вот и у вас. Простите, но детей у вас больше не будет.

– Вот так просто, взяли и увидели?

– Ну, это дело хозяйское, как воспринимать. Или вообще не воспринимать. Вы расстроены?

– Если честно, не очень.

На том и закончили. Асян зашла и вышла с выражением скуки на лице. В конце ради вежливости Илону пригласили выпить чаю, заплатили и поскорее выдворили восвояси. После ухода девчонок я задержалась на асянской кухне. На часах около одиннадцати вечера, Ирка в состоянии диагностических раздумий попивала вино.

– Очень занимательная особа. Такое ощущение, погружена в роль без остатка.

– Ир, она очень интересную вещь выдала.

Я пересказала детали разговора о моих половых органах.

– Господи, Лен, ты что, серьезно?

– Серьезно тут только одно – она очень точно обрисовала УЗИ-картину эндометриоза. В принципе неопасно; хотя и правда очень распространенная причина бесплодия у теток старше тридцати.

– Послушай, эту картинку нетрудно в любом УЗИ-кабинете подсмотреть. Самое частое гинекологическое заболевание женщин с высшим образованием.

– В принципе да, но...

– Ну и все. А так, в целом – очень даже занимательное шоу.

Ночью я никак не могла заснуть. Как же я раньше не подумала об этом? Сколько бабушек живет сотни лет по деревням; гадают, заговаривают, бормочут что-то, склоняясь в темноте над больным, и никак это древнее дело не помирает. Только приобретает новые черты, меняет названия. Уже «Бозон Хиггса» открыли, а они все шепчут по углам и перед смертью передают все это шептание следующей бабке.

И вообще, Елена Андреевна, почему вы решили, что кто-то еще не может видеть такие же картинки, как и вы? Наверняка похожие люди есть, и все они живут где-то рядом да помалкивают. Эх... вот бы еще раз увидеть ее и спросить: как чужой организм возникает перед глазами; почему так случилось именно с ней и как она живет со всем этим.

Обязательно увижусь и спрошу.

В течение нескольких дней я вспоминала девушку Илону и собиралась взять у Женьки ее телефон, но, как водится, в итоге забыла. Зато сходила к гинекологу, в дорогую частную клинику, по рекомендации Сергея Валентиновича. Провела там пару часов, сдала кучу анализов и на выходе услышала ожидаемое.

– Ну что сказать, Елена Андреевна. Эндометриоз – он и есть эндометриоз. Он у всех.

Так и прошли три летних месяца на берегах Невы. Что касается меня и Асрян, неудавшееся лето мы с лихвой компенсировали; с началом осени было решено кардинально поменять стиль женского отдыха. Нашли нового дорогого косметолога, записались на усиленный фитнес и в спа-центр, а также решили посвящать два воскресенья в месяц только себе любимым.

Слово «спа» пришлось по душе сразу и бесповоротно – массаж, приятные запахи, травяной чай и турецкий хамам. А вот современная косметология оказалась делом крайне неприятным – теперь два раза в месяц безупречно красивая доктор (определить возраст было невозможно) набрасывалась на мое лицо с большим шприцом в руках и делала больно. Попытки отказаться от неприятных процедур Асрян тут же пресекла.

– Надо, Вася, надо. Уже четвертый десяток. А то смотри, ваши стоматологички твоего Сереженьку быстро оприходуют.

Ирка воспылала новой идеей – преуспевающий психотерапевт обязательно должен быть красив и строен. Такова концепция современной успешной женщины, у которой **ВСЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ХОРОШО** – и карьера, и дети, и муж, и лицо, и жопа с сиськами. В успехе мероприятия сомневаться не приходилось; уже в конце ноября она весила на во-

семнадцать килограмм меньше обычного и спокойно влезла в джинсы *Armani* сорок четвертого размера. Мой мозг тоже оказался заражен идеей стремления к совершенству, вес к концу осени приблизился к пятидесяти одному килограмму. Теперь внешний образ доктора Сокольниковой находился в районе двадцать два, максимум двадцать четыре года. Сергей Валентинович оценил произошедшие перемены и подарил огромное кольцо из белого золота с бриллиантами и жемчугом. Радости моей не было предела; Ирка, увидев на моем пальце сооружение в стиле Скарлет О'Хара, отреагировала как обычно:

– Переживает. Это хорошо.

Кольцо должно бросаться в глаза и быть на грани с пошлостью. Об остальном можно подумать завтра.

После достижения желаемых цифр на весах встал вопрос о необходимости смены гардероба, и тут нас с Иркой совсем понесло. За несколько недель каждая потратила шестизначные суммы в самых недешевых магазинах; очередной бумажный пакет с названием дорогого бренда доводил до состояния полного экстаза, и остановиться не было сил.

– Вот тебе реальный оргазм, Ленка. Никакого мужика не надо, признайся.

– Признаюсь, черт подери.

Натягивая на совсем похудевшую пятую точку очередные *Guess* или *Trussardi*, я совершенно четко осознавала – такая тряпка несравнимо красивее и статуснее, нежели китай-

ские джинсы с апражкинских подворотен. Я научилась подбирать черные очки так, чтобы отражение в зеркале выглядело максимально сексуально и безвозрастно, затем приобрела несколько дорогих часов, пару итальянских норковых шуб и три симпатичные сумочки.

Prada, Louis Vuitton, Loewe.

Шестизначная сумма сменилась семизначной.

В один прекрасный день я как нельзя четко осознала результаты нашего с Асрян перерождения. Случилось это в начале декабря – питерская звезда пластической хирургии Гела Аскерович праздновал свой день рождения в дорогом ресторане. Как раз недавно вышла очередная серия сказаний про Шрека, и с легкой руки Елены Андреевны доктор Парджикия уже полгода именовался не иначе как «Принц Charming». Он пригласил на торжество весь врачебный состав клиники. Сергей Валентинович с супругой, как и положено, приехали последними; еще пять минут я прокопалась около гардероба, пытаюсь отыскать в бесконечных фалдах голубой норки карман с сотовым телефоном. Дамы Нового Корпуса, выходя из уборной, застыли на лишней полсекунды, заметно передержав приветственный поворот головы. Взгляд жадно считывал, перебегая от одного предмета моего туалета к другому. Кольцо, часы, сумка, шуба, сапоги, платье. Цифры складывались в столбик; чем больше в знаменателе, тем ярче румянец на щеках и мягче движения бедер.

Вот оно, теперь я в стае.

Принц Чарминг закатил небывалую по размаху вечеринку, не забыв про рекламу себя любимого – вместо торжественного приема подарков всем присутствующим дамам был вручен сертификат к его высочеству на прием, включая процедуры на выбор. От ботокса и филеров до золотых нитей; королевы визжали от восторга. После праздника поговаривали, что заведующая стоматологическим отделением чернобровая богиня Катя Гусарова провела остаток ночи в отеле недалеко от ресторана вместе с господином Парджикия. Муж, как водится в верхних социальных слоях, на конференции в Майами и, вероятно, тоже не один.

В тот день мы вернулись домой очень поздно. Сварили ночной кофе; Сергей взбодрился и подвел резюме:

– С Парджикия совершенно не прогадали. Если доктор закатывает дни рождения на сумму около пятнадцати тысяч долларов, можешь себе представить, сколько ежемесячно он приносит клинике.

– Ты его нашел?

– В целом да.

– Ты гений.

– Я счастливец, Леночка.

Сережа притянул меня за талию и посадил на колени.

– Катю прямо утром от бабушки заберем или поспим?

– Как скажете, Сергей Валентинович.

Белье осталось в ванной комнате, легкий халат упал на ковер. Горячие мужские губы – лицо, шея, грудь, потом одно

резкое движение – по телу пробежал ток, и дальше, уверенно и сильно, пока не закружилась голова, пока сквозь обморок не услышала приглушенный мужской стон.

На часах два ночи – я стояла в ванной перед большим зеркалом и медленно снимала украшения. Совсем недавно Асрян подарила красивую китайскую коробочку для ювелирки; подарок чудесный, если бы не сопроводительные слова:

– Это чтобы в банку из-под чего-нибудь не складывала, по старой плебейской привычке.

В спальне было темно, я залезла под одеяло и прижалась к Сергею всем телом. Быстрее всего люди засыпают после близости; чем больше в жизни эротики, тем она длинней и прекрасней.

Наутро вспомнили о подарке ребенку; как-никак, скоро день рождения. Игрушки давно отошли на второй план, в кладовой уже имелся велосипед, новые лыжи и даже сноуборд; оставалось одно – очередной телефон. Все перемены с детьми происходят неожиданно и очень быстро. Катерина, отпраздновав тринадцатилетие, буквально за несколько месяцев переросла из девочки в девушку. Переродившаяся тетья Ира посадила на шопинг не только мать, но и дочь. Я не успела заметить, как милая и довольно скромная особа превратилась в довольно пафосную дамочку, очень хорошо разбирающуюся в марках итальянской обуви и французской

элитной парфюмерии. Такие перемены меня сильно испугали; вдобавок я решила обсудить проблему совершенно не с тем человеком – все с той же тетей Ирой. Пара слов о моих переживаниях, и я незамедлительно получила по носу.

– Сама жила как сорняк, дай хоть ребенку чувствовать себя нормальной женщиной. Тебе вообще грех на нее жаловаться – учиться прекрасно, красивая, притом далеко не глупа. Сразу видно, за печального рыцаря на «Жигулях» замуж не пойдет.

Намек прозрачен, тема закрыта. Следующим пришел день рождения Стаса, подарок все тот же – последний «Айфон». Никто уже не требовал поездок на Крестовский остров или похода в кино. Теперь они сидели за столом в новомодной пиццерии и ждали, когда же мы оставим их наедине с друзьями. Мужики поехали по домам, а мы с Асрян на пару часов отправились по магазинам; все равно возвращаться и везти детей домой. Шопинг почему-то не задался; присели в кафе, однако настроение не улучшилось – хотелось вина, но еще садиться за руль. Ирка отпивала маленькими глоточками кофе, задумчиво молчала и смотрела в окно на прохожих; наконец, она повернулась ко мне и сформулировала наши общие мысли:

– Знаешь, они совсем другие.

– Ты про кого?

– Про детей наших, про кого еще. Спокойные, счастливые, уверенные в своем будущем. Слава богу... правда, Соколь-

никова?

– Однозначно.

Мы неспеша допили капучино; за окном начиналась непогода, пришлось поторопить детей и скорее разъехаться по домам.

Мне очень нравилась моя новая жизнь. Хороший муж, замечательный ребенок, прекрасная квартира в центре города. Мама и папа с братьями наконец-то зажили спокойно, больше не было причин переживать из-за меня. После череды детских праздников я сидела вместе с Ирккой в хамаме и думала: на самом деле, зачем он мне нужен этот второй ребенок? Если честно задать себе простые вопросы: хочу ли я ходить девять месяцев с животом, потом закончить все новыми адовыми усилиями по приведению себя в порядок и новыми растяжками на животе, полным отсутствием личной жизни на несколько лет как минимум, ответ будет однозначный – нет. Желания нет, и не на кого обижаться. Надо быть честной хотя бы с самой собой.

Продолжаем получать удовольствие от жизни, господа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.